

Татьяна Соломатина
Двойное дыхание (сборник)

«Автор»

2011

Соломатина Т. Ю.

Двойное дыхание (сборник) / Т. Ю. Соломатина — «Автор»,
2011

Книга «Двойное дыхание» – это сама жизнь. Остроумная, замечательная, написанная ярко и неожиданно, она никого не оставит равнодушным. В сборник вошли пять новых рассказов – настоящий подарок для наших читателей!

© Соломатина Т. Ю., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Приёмный покой	5
Пролог	5
Часть 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Татьяна Соломатина

Двойное дыхание

Роман, Рассказы

Приёмный покой

Врачебный роман

Соавтору моей жизни – Илье Соломатину

Пролог

ПРЕДВЕСТНИКИ

*Чем умирляют
суету голов,
отчаянных порывов жизни,
снов,
не временем ли?
Нет.
Не мыслью?..
От суеты до вечности
исход
один –
познанию обречённый принцип -
не эталонный замыслов черёд,
но раритет свободы чистой,
неизмеримый, как полёт
над пунктом при-бытия.
И всё же близкий
в движении
скольжению сфер
и дерзкий,
как низведённый Люцифер,
и тут же разумением детским
покладист, чист и смел
в свободе от-бытия.*

«Ежедневное практическое применение жизни, не как состояния, но как подсознательного стремления, рано или поздно приводит к моменту, когда *состояние* как таковое оказывается, очевидно, лишним. Зато *стремление* очищается, кристаллизуется и заполняет собой всё то, что раньше представлялось всем и много более того».

Она опустила в кресло.

Как же меня зовут? С тех пор как родился внук, я стала равнодушна к своему имени. Вот если бы внучка – было бы приятно, если её назвали в мою честь. Хотя какая же это глупость – «называть в честь». Что я знаю о чести? Честь – честность – чувствовать – честолюбие... Словесная чесотка.

С книгами легче, чем с живыми людьми. Они никогда не перебивают. И говорят то, что говорят, – не более. Они смиренны, как должно, и честолюбивы – насколько позволительно.

Они – паруса. А живые люди – якоря. А если и паруса – что большая редкость, – так что толку – у них свои направления. А то и система координат. И как понять, призван тот лишь служить вселенскому принципу многообразия и неповторимости и Бог присматривает за ним, как и за всеми, или сам он присматривает за Богом, творя Славу Мира?..

Я же верю в Бога?

Не помню. Не знаю. Кто она, эта вера? Женское имя.

Как же всё-таки меня зовут? Очень простое имя. Очень короткое слово...

Но сегодня так много слов приходило. И значения их полнее, яснее. Но не звучанием, не значимостью. Нет. На самом деле их вообще нет.

За словами я чувствую толчки. И пульсирующие каналы. А тем – другим – нравятся тоннели. А что тоннель – дырка, колодец? Чушь! В тоннелях не может быть толчков – только скрежет. Ничто не может быть несвободным, неоткрытым. А толчки – они мягкие, нежные. Как объятия. Но откуда я это знаю? Предощущение? Мы лишены любого знания, пока живы, и лишь умирая... Да нет... Неужели это так?.. Господи, как же люди глупы! Ведь всё наоборот! Я знаю! Знаю! Никто не говорит об этом не потому, что не может, – «уже не может», как они любят акцентировать, – а потому, что НИ К ЧЕМУ! Да и НЕТ СПОСОБА ГОВОРИТЬ ОБ ЭТОМ!

Почему большинство кричит, когда рождается? Ах да – первый вдох. Суть – крик, расправит лёгкие. Так говорят. Но иные – молчат. Их считают слабыми. Или больными. Мой внук не сразу закричал. Да и не закричал, а грустно заплакал. Более сильного человека я не знаю. И он – моё продолжение.

Смерть тише рождения. Может, поэтому нам кажется, что она и сильнее рождения? Многие ли кричат, умирая? Иногда думается, что жизнь – это этап. Причём в буквальном смысле – для кого всего лишь Москва – Наро-Фоминск, а для кого и в кандалах пешим ходом до бескрайних просторов Сибири. Мы не помним своего рождения. Мы не будем помнить своей смерти. Лишь толчки и каналы. Бесконечное путешествие по бесконечным каналам. Толчки и каналы. Уходы и приходы. Прощания и встречи...

Одно их роднит – и рождающиеся, и умирающие воспринимают мир прямо.

Надо ли всё объяснять? Слова – для грешников. Для мытарей. Для писателей. Вот пусть и пишут. А я почитаю. В путешествие всегда лучше отправляться налегке – с книгой. Среди множества слов всегда найдётся парочка действительно важных и хотя бы одно главное. «Слова, слова... Я был богат словами. Слова ушли, их заменило знание простых вещей в природе человека...»

И я их уже почти не чувствую... Не ощущаю? Не помню?..

А зачем помнить то, что ОДНО?! Глупая человеческая привязанность – пытаться запомнить многообразие единого!

Мне больше не надо ничего помнить. Тяжеловесность уходит. Стихают звуки, угасает зрение... Дисбаланс тела больше не отвлекает меня. Меня нет и я – всё... Я – Слово.

Прощания и встречи... Прощая, навстречу – как это прекрасно!

Прикрытые, ставшие ненужными глаза, книга на коленях и кресло, вздохнувшее о чём-то своём через поры обшивки.

Жаль, что нам не удаётся припомнить момент истинного рождения.

Но это пока, пока...

Часть 1 Раскрытие

Клянусь считать научившего меня этому искусству равным моим родителям, делиться с ним средствами и при необходимости помогать ему в нуждах.

Гиппократ. Закон

– Щипцы? – скорее уточнила, чем спросила акушерка шёпотом.

– Рыба! Не свисти под руку!

– Не родит она сама, Виталий Анатольевич. Не родит, поверьте моему опыту. – Светлана Ивановна отвлеклась от докторского уха. – Начинается! Лена, давай! Тужься! Тужься! Да не в щёки и не в глаза, а в попу тужься, в низ! Лена, не теряй потугу! Ну кто так тужится, Лена?! Так глаза лопнут, если сначала щёки не треснут! Да что ж такое! Почему ты не хочешь ему помочь?!

– Я... хА-чу! Я не... мо-ГУ! Сил... не-е-е-ет! – зверино простонала молоденькая роженица.

– Со мной пререкаться у тебя силы есть! Всё, кончилось. Отдыхай. Послушайте сердцебиение, быстро!

Испуганный интерн схватил стетоскоп и стал шарить им в районе пупка.

– Дай сюда! – Виталий Анатольевич резко вырвал деревянную трубку из неумелых рук, отточенным движением приложил чуть выше лобка роженицы и на пару мгновений прислушался к бешеному стуку жизни, не желающей покидать вечный покой ради сомнительного света.

– Страдает. Восстанавливается с трудом, и уже под сто восемьдесят¹ будет. Не ритмичное... Лена! Надо постараться! Твой ребёнок мучается. Слышишь меня?! Никто, кроме тебя, этого сделать не сможет, Леночка. Вон, смотри на нашего доктора... – Виталик кивнул на интерна. – Он так дуется, что сейчас укакается!

Взмокшая, измученная стонущая женщина нервно хихикнула.

– Вот и ты так тужься.

И без того переливающийся всеми цветами радуги интерн стал багровым. Это было его первое дежурство в родзале. Пару раз он уже был близок к обмороку, и лишь то, что он – мужчина, мало того – врач хирургической специальности, удерживало от погружения в блаженное, хоть и недолгое, небытие. Ладно бы только само действие. Но это безумное смешение запахов – специфический дух «родильной» крови, едко пахнущие секреты женского организма, помноженные на запахи кишечных газов, многократно усиленные закисью азота, создавали безумную атмосферную симфонию, перед которой меркла любая психоделическая импровизация. Хлоргексидин, йодонат. Пот, мужской и женский, у каждого – со своей, лишь ему присущей ноткой. Тяжкое желание мускуса, лёгкая эйфория «веселящего газа», бесконечная поликлиника дезрастворов. Всё это скручивалось тугими ватными турундами в заложенных от неведения ушах. А ведь он отнюдь не был зелёным новичком и всю учёбу в институте работал. И в морге, и в приёмном покое этой же многопрофильной больницы, и в гнойной реанимации. Но запах морга был равнозначен запаху смерти. Ясной и понятной. И никакие мёртвые органы, препарированные металлом, не вызывали священного ужаса – ремесло как ремесло. Ни один провонявший мочой и калом бомж не вызывал ничего, кроме брезгливости, к которой рано или поздно принимаешься и перестаёшь замечать. Как перестаёт замечать запах озона живу-

¹ 180 ударов в минуту. В норме сердцебиение плода составляет примерно 140, ясное, ритмичное.

щий на высокогорном плато. Гной – он гной и есть – мёртвые лейкоциты. Продукт распада, не более. Тут же было слишком всего. Околосмерть и почтижизнь скрестили свои рапиры в учебном бою, но, распалившись не на шутку, кажется, разменяли актёрство тренировки на азарт битвы не на жизнь, а на смерть. Точнее, «на победителя». Кажется, эти, в зелёном и белом, уже тоже рождались и умирали всерьёз. Это не может быть правдой. Нельзя родиться несколько раз в сутки. Нельзя умирать при каждой удобной возможности. Нельзя шутить на краю бездны и рассказывать анекдоты, падая в неё.

Вопль обезумевшей роженицы на мгновение сорвал с него пелену тугоухости.

– Не могу уже, не могу, Виталий Анатольевич. Всё!!! Не могу!!! Режьте!!! Делайте кесарево!!! А-а-а! Опять начинается!!!

Она уже даже не пыталась напрягать брюшной пресс в ритм сокращениям матки. Истерзанная сутками схваток и сорока минутами потуг, одурманенная закисью и нежеланием сосредоточиться и помочь, она могла лишь мешать. Мешать оказанию помощи себе и ребёнку.

– Поздно, Лена, резать! Раньше надо было соглашаться. Давай без истерик! Работай!

– Виталик, может, ещё окситоцина? – шепнула акушерка.

– Ага, только разрыва матки нам не хватало с твоим бесконечным окситоцином. Рыба, угомонись. Так. Поздняк метаться. Щипцы.

– Я не хочу щипцы!!! – истошно завывла Лена и стала хватать врача за руки.

– Задом не крути, ребёнку голову свернёшь! Лежи спокойно! – прикрикнула на неё Рыба, Светлана Ивановна Рыбальченко, первая акушерка родзальной смены.

Вторая акушерка уже положила характерным, так привычным для сотрудников стационаров, металлом брякнувший бикс² на соседнюю пустующую рахмановку³ и вопросительно посмотрела на Виталия Анатольевича.

– Рыба, ты знаешь, когда я последний раз щипцы накладывал?

Светлана Ивановна горько усмехнулась.

– Вот именно, – продолжил он. – Никогда я их не накладывал. Интерн, ты щипцы накладывал?

Тот в ответ лишь испуганно затряс головой.

– Не ссы, шучу. Звоните Боне.

– Виталик, не надо Боне, – совсем тихо шепнула Светлана Ивановна. – У него руки из жопы растут. Петра Александровича зови.

– Я бы рад Петра Александровича, да только ответственный сегодня Игорь Анатольевич. А Пётр пока доедет, кто-то из нас кони двинет. И скорее всего, ребёнок. В лучшем случае. В худшем – мамаша.

– Не двинет, – подал голос анестезиолог. – За неё я отвечаю. И с рахмановки мы её снимем.

– Ты там особо не увлекайся. С рахмановки-то снимем, а дальше? – кивнул Виталик на внутривенную систему, у которой несла свою вахту анестезистка, перекрывая на время потуг. – Там ещё пока... Да. – Он скептически скривил губы.

– И дальше...

– Только мне интранатальной⁴ гибели со всеми вытекающими прелестями детской и материнской⁵ не хватало, – пробурчал себе под нос Виталий Анатольевич.

² Бикс – металлическая коробка для стерилизации.

³ Рахмановка – родильная кровать Рахманова. (Рахманов Александр Николаевич – русский акушер (1861–1926), организатор родовспоможения).

⁴ Смерть плода во время родов.

⁵ Детская и материнская смертность – одни из самых необычайных ситуаций в акушерстве и неонатологии, подлежат тщательному рассмотрению целым рядом комиссий от внутрибольничных до министерских.

– Пётр в роддоме, – тихо сказала первая акушерка. – В кабинете у себя. Не один. Телефон не поднимает, но я знаю. Мы молодого доктора, – Рыба кивнула на интерна, – попросим пойти и настойчиво постучать. А как Петя откроет – смиренно получить по голове, выслушать отповедь и сказать волшебное слово «щипцы». Он принесётся. Обязательно.

– Иди! Чего стоишь?! – заорал Виталий Анатольевич на интерна.

Вторая акушерка уже звонила дежурному ответственному врачу и неонатологу⁶ в реанимацию новорождённых. Слава богам, протоколы и алгоритмы в этой слаженной команде знали все, и лишних слов не требовалось.

Пётр Александрович появился десять минут спустя, большая часть из которых пришлась на суетливые метания интерна между лифтом, звонком в двери физиологического родзала, где и находился кабинет заведующего Петра Александровича Зильбермана, акушера-гинеколога высшей квалификационной категории, заслуженного деятеля науки и техники РФ, доктора наук. Но все эти регалии таяли перед главным: Пётр Александрович был непревзойдённым ремесленником, а в случае более сложных задач, поставленных матушкой-природой в искусстве родовспоможения, – творцом. Умения, помноженные на знания. Знания, помноженные на опыт. Опыт, возведённый в степень акушерской интуиции, вместе рождали бесконечность. Бесконечность его лекарских возможностей. А полное отсутствие честолюбия и своевольный характер так и затормозили Петра на должности заведующего физиологическим родильно-операционным блоком. Ему не нужны были медальки более вышестоящих должностей и ордена званий. Те же, что у него были, достались ему за дело. Вернее, ему их «достали» обстоятельства в те времена, когда ещё не принято было присваивать себе чужие заслуги и откровенно воровать не свои достижения. И кроме того, Петру просто повезло с друзьями и коллегами. Он был из тех, чьё откровенное истинное негромкое величие останавливает даже самых ничтожных и подленьких карьеристов, в большом количестве пасущихся на любых нивах, в том числе – медицинских. А «дальше» он не пошёл, потому что откровенно не любил писать и терпеть не мог административную работу. Не было другого такого из рук вон плохого оформителя историй родов и болезней, статистических талонов и годовых отчётов. В операционных и родильных журналах, за которые номинально отвечал Пётр Александрович, царил откровенный бардак, а написание не слишком серьёзных проходных рецензий он всегда перепоручал, подписывая, не глядя, откровенную чушь. Зато он был «акушером от бога», то есть – смотри выше – знающим опытным ремесленником, наделённым даром такого рода чувства, что превращает плотника в зодчего.

– Ну что, наломали мне малину, подлецы? Нигде старику покоя нет. Что, в слабость потужного периода⁷ въехал, Виталий Анатольевич? Молодец! Надеюсь, ты прикрыл свои, такие уязвимые нынче, ягодицы совместным осмотром с ответственным дежурным врачом? Начмед в курсе?

– Да, с Игорем смотрели. Всё нормально было, Пётр Александрович. Вставление правильное, таз не узкий, плод некрупный. Она поступила вечером, уже со схватками. На этаже не лежала. Да и ничего особенного не было, чтобы начмеда на осмотр вызывать или в известность ставить.

– Ну ты, Виталик, лучше поставь её в известность. А то она тебя потом так поставит, что неизвестно, когда с места тронешься. Ничего особенного, говоришь, не было? – Пётр надел перчатки и осмотрел роженицу во время потуги. – Не забудь клинически узкий таз, вами просмотренный, в диагноз написать. Плод действительно некрупный. А голова большая. Родим, измерите, убедитесь. Хотя датчиком ты ей по пузу во время беременности наводился небось по самое «не могу». Ультразвуковое исследование, Виталий Анатольевич, оно ультразвуко-

⁶ Неонатолог – врач, специализирующийся на выхаживании и лечении новорождённых.

⁷ Второй период родов.

вое исследование и есть. Как всё обстоит на самом деле, люди узнают голыми руками. Знаешь, интерн, что старые акушеры без перчаток работали? Я ещё это время застал. Резина, она тактильную чувствительность скрадывает. Тебе этот факт, как юноше половозрелому, должен быть известен. Но без резины, дружок, никуда нынче не сунешься. Потому что инфекция всякая и разная. Такие дела. Как зовут? – обратился он непосредственно к роженице.

– Леночка... – по-детски всхлипнув, ответила та.

– А я – Петечка. Не волнуйся, Леночка. Сейчас Пётр Александрович помоеет руки и мы наконец родим. – Он заглянул в промежность. – Ясно. Господин наркотизатор⁸, давайте сделаем так, чтобы Петру Александровичу Леночкина боль не мешала, договорились? Рыба, эпиэзиотомию⁹ сделай в обе стороны.

– Сейчас, потуги дождусь.

– Светлана, ну зелёный бы, неопытный кто сказал, но ты?!

– Ладно, Пётр Александрович. – Светлана Ивановна взяла со столика ножницы и быстрыми движениями разрезала промежность.

– А где наш врач-интерн? – огляделся уже помытый Пётр Александрович, пока санитарка сзади завязывала ему халат. – Табуретку.

Акушерка быстро отодвинула столик, задвинула лоток, санитарка поставила металлический, покрашенный белой краской винтовой табурет. Пётр сел.

– Иди-иди сюда, интерн. Не бойся. Я только с виду такой грозный. Впрочем, я посмотрю, какой ты будешь, если тебя за пару самых сладостных мгновений до эякуляции позовут мир спасать... Надеюсь, насплетничали уже? Вообще-то порядочным днём это у нас не слишком принято, но безалаберными ночами тут все немного развязны. В том числе в области языка. Как ты там сказал? «Срочно родзалищницы!» Представляешь, Рыба? Ни тебе «Здравствуйте, Пётр Александрович, мол, я – Иван Иванович, врач-интерн, вас, высокоуважаемый Пётр Александрович Зильберман, Виталий Анатольевич Некопаев изволили в родзал пригласить для консультации и оказания высококвалифицированной медицинской помощи. Потому как сам Виталий Анатольевич безнадежно застряли-с на уровне оказания помощи специализированной». Нет. Вот так вот и пролаял, щенок, мне, старому псу, команду: «Срочно родзалищницы!» – Он говорил ровно и вовсе не раздражительно, изучая окровавленные свежими разрезами недра роженицы. – Высоко головка. Высоко. Ничего, деточка Леночка – сладкоголосая сиреночка, сейчас мы тебе поможем. Интерн! Как тебя звать-величать, кстати?

– Женька.

– Женька – он по подвалу кашу возит, а ты кто?

– Евгений Иванович.

– Вот! У врача должно быть имя и отчество, даже если он безотцовщина. Отчество, Евгений Иванович, это знак отличия. Причастность. Кастовая принадлежность. Становись, Евгений Иванович, справа от меня. Свет не загораживай. Помогать мне будешь.

– Так мне руки помыть?

– А чего, грязные?

– Нет, я имел в виду...

– Не надо иметь в виду. Если грязные – вон из родзала. Чистые – не мой. А помогать мне будешь советом и словом добрым. Руками я и сам как-нибудь управлюсь. Ну-ка, расскажи мне, Евгений Иванович, что я сейчас должен делать? А то я малость подзабыл. – Пётр лукаво прищурился, глаза над маской залучились, ещё чётче обозначив сеть слишком глубоких мимических морщин, свойственных чрезмерно улыбчивым незлым людям.

⁸ Так иногда шутливо именуют анестезиологов врачи.

⁹ Эпиэзиотомия – разрез промежности.

Присутствие Петра Александровича удивительным образом повлияло на всех в родильном зале. Нервозность персонала и паника роженицы ушли, как будто не было их только что. Врачи, акушерки и санитарки расслабились, потому что пришёл тот, кто всегда справится, а если не справится, то не будет перекидывать ответственность ни на кого другого, кроме себя. Будет отвечать даже в том случае, если не виноват в сложившейся ситуации. Человек-покой. Человек-фундамент. Человек-основа. Создавалось впечатление, что не смесь закиси азота с кислородом угомонили всхлипывающую и рычащую Леночку, а сам голос его – обволакивающий, как охлаждающий гель на воспалённую поверхность, ритмичный и тихий, как молитва деревенских бабок, заговаривающих испуг, икоту и снимающих слезы.

– Пётр Александрович, можно работать! – отрывисто произнёс анестезиолог.

– Спасибо. Работаем. Так, уважаемый Евгений Иванович, что я сейчас должен сделать? – Руки Петра уже порхали, и казалось, не тяжёлые металлические ветви, смахивающие на огромные ложки для салата¹⁰, у него в руках, а нечто ажурное, невесомое, как качественная рыболовная сеть. Лёгкая, прочная и надёжная.

– Вы должны замкнуть замок на ветвях? – неуверенно ответил интерн.

– Совершенно верно. И что я должен для этого сделать?

Семь пар глаз – дежурного врача, ответственного, двух акушерок, санитарки, интерна и подошедшего неонатолога – не отрываясь смотрели на руки Петра Александровича.

– Левую ложку держат левой рукой и вводят в левую сторону таза матери под контролем правой руки, левую ложку вводят первой, так как она имеет замок, – вспоминая текст учебника, выдал Евгений Иванович.

– О! Смотри-ка! Я так всё и сделал. А дальше?

– Правую ложку держат правой рукой и вводят в правую сторону таза матери поверх левой ложки. Для контроля за положением ложки во влагалище вводят все пальцы руки акушера, кроме большого, который остаётся снаружи и отводится в сторону. Затем как пишущее перо или смычок берут рукоятку щипцов, при этом верхушка ложки должна быть обращена вперёд, а рукоятка щипцов – параллельно противоположной паховой складке. Ложку вводят медленно и осторожно с помощью подталкивающих движений большого пальца. По мере продвижения ложки рукоятку щипцов перемещают в горизонтальное положение и опускают вниз. После введения левой ложки акушер извлекает руку из влагалища и передаёт рукоятку введённой ложки ассистенту, который предотвращает смещение ложки. Затем вводят вторую ложку. Ложки щипцов ложатся на головку плода в её поперечном размере. После введения ложек рукоятки щипцов сближают и стараются замкнуть замок. При этом могут возникнуть затруднения...

– Молодец! Пока ты тут нам нараспев акушерскую «Тору» наизусть излагал, Светлана Ивановна у меня уже ассистентом подработала пару рюмок коньяка. Рыба, коньяк будешь? Ну, конечно с лимоном. Я же тебе не пэтэушник какой, без закуски даме выпить предлагать. Тем более никаких затруднений у нас не возникло, ты смотри, врач-интерн, какие мы умелые! А теперь запомни, Евгений Иванович, щипцы – инструмент какой? Тянущий, по-русски говоря. Тractionный – по-латыни выражаясь. Их не крутят, ими не елозят туда-сюда и уж тем более – не плющат. Ими что? Правильно. Тянут. Но не просто тянут, как рыбу удочкой, – лишь бы вытянуть, а в соответствии с биомеханизмом родов в... Кстати, Евгений Иванович...

– В переднем виде затылочного предлежания, – отгарабил Женька.

– Ай, молодец! Рыба подсказала?

¹⁰ *Акушерские щипцы* – медицинский инструмент, состоящий из двух симметричных частей – ветвей, которые могут иметь отличия в строении левой и правой частей замка. Существуют разные модели, но принцип действия одинаков. Также «акушерскими щипцами» называется родоразрешающая операция, при которой плод извлекают из родовых путей роженицы с помощью этого инструмента.

– Да, если честно. Виталий Анатольевич давал мне посмотреть, но я не особенно что-то понял.

– Ты, Евгений Иванович, когда первый раз с женщиной по-мужски был, что-то понял? Вот и тут всё то же самое. Врачебный талант он сродни мужскому – если женщина тебе дорога, то рано или поздно она вся на кончиках...

Рыба прыснула.

– ...Пальцев! А ты – дура старая, – добродушно прокомментировал Пётр Александрович хихиканье акушерки. – На кончиках твоих пальцев её душа. То есть – вся Вселенная. Представляешь, какая это сладкая ноша – акушер? Акушеру дорога каждая женщина, что оказалась в его руках. Фатум...

Пётр Александрович говорил, а движения его были плавными, неспешными. Он немного потянул книзу. Замер. Ещё немного книзу. На себя. На себя. Кверху. Мышцы его под пижамой вздулись, несмотря на кажущуюся лёгкость движений. Ещё раз кверху!

– Главный мужской гений, друг парадоксов Евгений, познание женщины! – сказал Пётр Александрович и...

...И Евгений Иванович тихо сполз по кафельной стене в долгожданный обморок, как раз в тот момент, когда над истерзанным женским лоном в результате последней тракции появилось что-то осклизло-синюшное, в радужных перламутровых ошмётках, с непропорционально большой головой, так непохожее на плакатных глянцевого младенцев в генно-модифицированной гламурной капусте, развешанных по стенам отделений родильного дома. Что-то загудело прямо над головой, и, кажется, кто-то нетактично подпихнул его обмякшее тело ногой.

– Отсос включите! – проорал кто-то в его войлочной темноте и голосом Петра Александровича обратился почему-то к нему, Женьке: – Девочка у тебя, Леночка. Девочки-лапочки – Леночки, живучие, что тот сорняк. Не то что мужики. Вон, смотри, разлётся тут Евгений Иванович, акушер-гинеколог, лишившийся чувств. Впрочем, иногда полезно лишиться чего-нибудь или даже кого-нибудь. Очень укрепляющая дух гимнастика. А девочку теперь хочешь Сашкой, а хочешь Женькой называй. Красивые имена.

* * *

– Она будет Анна Павловна, как моя мама! – ответила Леночка соседке по палате, разбитной девице с рабочей окраины.

– А откуда ты знаешь, что это будет она, а не он?

– Знаю. И потому что все мужики – козлы.

– Какая свежая мысль. Видимо, папаши у будущего ребёнка не предвидится? – понимающе хмыкнула та.

– Не предвидится. Поматросил и забросил. Да и не сильно надо было. Мать меня сама вырастила, а уж вдвоём с ней мы тем более справимся.

– Что, и за волосы не тягала, и обстоятельств не выясняла?

– Нет. Поплакали для порядка и решили оставить.

– Везёт тебе. А мне с пузом – ни в общагу, ни домой, в деревню тем более. Так что я здесь, подруга, на прерывание. Вот так вот.

– На что? – с ужасом переспросила Леночка.

– На что, на что... На аборт. У нас в медико-санитарной части гинеколог – тётка с понятиями. Быстро направление выписала, без лишних моралей. Приписала мне там какое-то... медицинское показание. Сказала: «Всё равно чиститься попрёшься чёрт знает куда, так лучше уж в больницу. Хоть в живых останешься».

А у них мест свободных нет, извини, я тут с тобой полежу, ничего?

– Ничего... Слушай, а почему в роддом, а не в гинекологию, если на аборт?

– Потому, что уже того... Аборт в позднем сроке. Сказала же, по медицинским показаниям, поняла?! – внезапно разозлившись на себя за лишнюю откровенность, выпалила соседка и отвернулась к окну.

Может, ей стало обидно, что есть же вот, тетёхи, рожают. И мамы у них понимающие, и квартиры в Москве небось от дедушек-генералов, и всё им нипочём, не то что «лимите поганой», на хлебозаводе вламывающей. В деревню вернёшься – если мать раньше не расстарается, так отчим добьёт. Повезло ещё, что врачиха сердечная попалась. Облаяла, конечно, на чём свет стоит, и поделом, но хоть помогла. Или просто жалость к себе, а ещё больше – к нему, ни в чём не виноватому и уже почти настоящему ребёнку нахлынула. Главное, не позволять себе жалости. Жалость – роскошь, которая ей, Анне Романовой, не по карману, в отличие от этой благополучной, по рождению столичной жительницы.

– Ты не переживай. – «Тетёха» присела на краешек кровати. – Тебя как зовут? Извини, не спросила. Меня Леночка. Леночка Иванова.

– Аня Романова.

– Какая у тебя фамилия... звучная. Аня Романова, всё образуется. Может, передумаешь, пока не поздно?

– Иди ты к чёрту! – Она скинула Леночкину руку с плеча. – Поздно. Ждёшь свою девочку? Вот и жди! А в чужие дела носа не суй, Леночка Иванова. Мне твоя жалость не нужна. Я теперь «жалельщиков» насквозь вижу. Кавалер у меня тоже очень жалостливый был. Всё жалел и жалел, жалел и жалел. Сперва жалел, что не дала. Потом жалел, что взял. Что не может меня с мамой познакомить, потому что она строгих правил и не позволит ему жениться на деревенщине необразованной. Жалел, что всё так вышло, и очень жалел, что не может помочь. А теперь? Где он, а где я? Век за эту врачиху из медсанчасти, будь она сто раз грубая и скандальная, молиться буду.

Леночка тяжело встала, вздохнула и... ойкнула.

– Что такое?

– Кажется, начинается.

– Ладно, ложись. Сейчас врача позову.

– Не надо, я сама.

– Лежи, сказала. Мне всё равно надо спросить, когда меня опроцедурят. Так-то я боюсь к ним соваться, а сейчас – вроде повод. Тебя чего в обсервацию упекли? Это же вроде для всякого отребья, вроде меня или больных чем-нибудь. Больная?

– Почему сразу «больная»? Необследованная просто. Мы с матерью решили на учёт в женскую консультацию не вставать.

– «Мы с матерью»... – передразнила Анна. – Ох, не завидую я твоей дочери, залюбите её живьём, бедолагу. Ладно, скоро вернусь, не ойкай.

Леночка родила мальчика. Евгения Ивановича. Да не просто так родила, а в истинных муках. Если бы не тот врач... Пётр... Пётр... Нет, никак не вспоминается отчество. Фамилия у него была такая, характерная. Прямо анекдотическая. Не то Рабинович, не то Абрамович. Нет, не вспомнить. К тому же эти имена... Что Пётр Иванович, что Иван Петрович – для русского уха неразличимы. Если ещё в школе хорошо учился, так Александр Васильевич для тебя – Суворов. Василий Иванович – в любом случае Чапаев. А тут Пётр... Пётр... Двенадцатое июля – день святых Петра и Павла. Это она с детства помнила, потому что, пока бабка жива была, всегда в этот день молилась за упокой души сына Павла. Господи, как же этого Петра?.. Не важно. Ему было слегка за тридцать или около этого. Невысокий, коренастый, мускулистый. Спокойный. Говорил, говорил, говорил, как Леночкина деревенская прабабка – мать деда, – когда кровь из пальца заговаривала. Что он говорил тогда, этот врач? Мол, роды для ребёнка – своеобразное изгнание из Рая, где не было ни забот, ни хлопот. Что-то про Гиппократ.

Нет, не про клятву. О том, что тот-де в родах ничегошеньки не понимал, как та булгаковская бабка-повитуха, а помогать – помогал. Потому что тут есть кое-что поважнее знаний. Которых, конечно, никто не отменял. Речь у него такая была... Сложно рассказать. Как кольцо Мёбиуса, что крутишь на пальцах. Вот и этот Пётр так. Хотелось вращать головой и, подняв руки, воспарить. Боль куда-то уходила, а внизу живота – в самом-самом низу оставался огненный шар. Но он не жёг – согревал. Он был Солнцем, а ты – Третьей Планетой. Только Звезда была внутри тебя. Чушь, да? Но что поделаешь, если именно так оно всё и было. Никогда больше в жизни – ни до, ни после – не испытывала Леночка такого бесконечного блаженства, такого сознания собственного могущества, как в те пару минута-веков – когда молитвенно-шутливо Пётр рассказывал, что женщина – Бог. Бог проявляющий и Бог проявленный же. Творящий и сотворённый. Сама себе Отец, Сын и Дух Святой. А также – Швец, Жнец и На Дуде Игрлец. А может, весь этот бредовый флёр воспоминаний лишь результат закиси азота, смешанной с кислородом? Но Пётр-то был. В палату потом приходил, спрашивал: «Как дела? Жалобы на неуверенность в завтрашнем дне предъявляем?» Смеялся. Красивый. Коренастый. Мускулистый. Русский. Не орал тогда, в родзале, как санитарки. Не ковырялся туда-сюда внутри суетливо, как акушерки. Руки у него были тёплые, безболезненные, не хлопотные. Сквозь дурман был слышен стук инструментов и его негромкий голос: «Дура, левую ложку сперва» – как будто ложки бывают левые и правые? Не делали тогда вещей под левшей, она немного позже столкнулась с проблемой, потому что Женечка родился левшой, – а потом он сказал сквозь чей-то жалкий писк: «Мальчик у тебя, Леночка. Мальчики – яйценосящие, беззаботные, что тот сорняк. Не то что девочки – живородящие. А мальчика теперь Сашкой...» «Мальчик?! Я хочу Женькой...» – «Ну раз хочешь Женькой – называй. Красивое имя».

Леночка и назвала сына Женькой. И записала «Ивановичем».

И у неё с ним действительно не было никаких забот, не считая левой ведущей руки и почти абсолютной памяти. К слову, встречающейся гораздо реже абсолютного слуха и считающейся чуть ли не психическим заболеванием. Но малыш Женя был не только умён, но и хитёр. Например, года в три он сделал вид, что научился читать. А сам, попросту, брал с полки книжки, прочитанные ему бабушкой и мамой вслух, и с важным видом листал, «зачитывая». Его дамы умилялись, гордились и потчевали конфетами. А много ли мужчине, три ему или тридцать три, надо для счастья?

Так что он был счастливым образцово-показательным карапузом, несмотря на «щипцовость». И никаких задержек моторики и умственного развития у него не наблюдалось – скорее наоборот, – несмотря на суровые предсказания участкового педиатра, посещаемого непременно втроём: бабушка, мама Леночка и Женька. Бабушка суетилась и давала Леночке ценные указания. Мама Леночка нервничала и не хотела бабушкины ЦУ¹¹ и тем более ЕБЦУ¹² выполнять, потому что у неё был свой, прогрессивный взгляд на воспитание младенца. В конце концов, на дворе стоял 1971 год, наука, наоборот, на месте не стояла, и плавать раньше, чем ходить, было модно. Но плавать и плескаться младенцу Евгению Ивановичу не разрешалось нигде, кроме как в цинковом корытце, поставленном поверх двух досок на большую эмалированную ванну. В предварительно нагретом до высокого градуса помещении под неусыпным присмотром бабушки. Кажется, с тех самых пор, как родился внук, никто уже и не произносил имя этой женщины. Отец её – отставной полковник авиации, не генерал, зато Герой Советского Союза, – давно умер. Вернее, трагически погиб – сгорел вместе со своим собственным гаражом и стоявшей в нём «Волгой». Он крепко принял, думая не столько о судьбах Родины, сколько оплакивая недавно покинувшую юдоль земных печалей горячо любимую такую молодую ещё

¹¹ Ценные указания.

¹² Ещё более ценные указания.

супругу, и закурил. В непосредственной близости от канистр с бензином. А потом ещё принял. И ещё закурил. И так – до известного финала.

Дочь осталась одна с деревенской бабкой. А затем – с квартирой, дачей, позже проданной, работой библиотекаря в Дубовом зале Ленинки и нелёгкой женской судьбой. Кажется, именно там – в библиотеке, под священными сводами хранилища манускриптов и многотомья классиков марксизма-ленинизма, переведённых на коряжский, тюркский и китайский, она и отдалась младшему научному сотруднику чего-то очень идеологически выдержанного, исторического. Историей он для неё стал буквально спустя один женский цикл. Регулы не пришли вовремя, а девочка Леночка родилась в срок – ровно десять лунных месяцев после того единственного полового акта, освящённого пылью переплетённых печатных знаний. Времена были смутные – аборт находились под строгим узаконенным запретом. Да полковничьей дочке и в голову бы не пришло такое. Она была одна-одинёшенька на этом свете, и маленькая крошка лишь добавила белого в его спектр. Что правда, она рано созрела и не замедлила сделать полковничью дочь, так и не бывшую ничьей женой, а только матерью, – Женькиной бабушкой. Такова, увы, иногда женская судьба: дочь – мать – бабушка. И пусть изойдут завистью жёны, любовницы и карьеристки, взрастившие детей между делом. Шутка. Очень злая шутка. У жизни очень чёрное чувство юмора. Бабушкой Леночкина мать стала чрезмерно заботливой. Единственное, что удалось «отбить» маме Леночке, – не переучивать Женьку на правшу. Она принесла кучу какой-то иностранной литературы, где нерусскими буквами по белому было напечатано: «Оставьте левшей в покое!» А слово, начертанное типографским способом, было для бабушки-библиотекарши свято.

Удивительно, но факт – Евгений Иванович, несмотря на излишнюю бабушкину заботу о его здоровье и постоянные, хоть и культурные, но весьма эмоционально окрашенные ссоры на эту тему с мамой Леночкой, рос мальчиком здоровым, спокойным и послушным. Он вовремя начал сидеть и ходить, у него в срок прорезались зубки. Читать (по-настоящему) и считать Женечка научился даже раньше нещипцовых сверстников. В положенное время и без осложнений переболел ветрянкой, краснухой и паротитом, окончил школу с золотой медалью, поступил в самый-самый медицинский институт и по окончании был увенчан красным дипломом. Он даже работал. Не потому, что не хватало денег, хотя последнее время их откровенно не хватало – бабушка давным-давно была на мизерной пенсии, а мама Леночка, знавшая несколько иностранных языков, с ног падала, разрываясь между учениками и переводами. Если бы не тётя Аня, в начале развала-передела занявшаяся каким-то сложносочленённым хлебобулочным бизнесом, им было бы вообще несдобровать. А потому, что, признаться честно, молодому мужчине Евгению Ивановичу всё сложнее было оставаться здоровым, спокойным и послушным в обществе двух уставших от женского одиночества баб. Точнее, трёх – тётку Анну туда же, до кучи. Хоть кровных родственных связей с ней не просматривалось, но она была частым гостем и, считай, членом семьи, сколько Женька себя помнил. Вроде бы они познакомились с мамой Леночкой в родильном доме, где тётя Аня произвела на свет мёртвого ребёнка, а на живого потом так и не сподобилась.

...В обществе трёх уставших от женского одиночества баб. Хороших, добрых, но... нывших на погоду. Стенавших на природу. Подвывавших на строй, перемены и вселенскую несправедливость. Изредка по-семейному пеняющих Женьке на безразличие. Кстати, он совсем не был к ним безразличен. Он их искренне любил, несмотря на то что всю жизнь все трое ему вдалбливали противоречащие друг другу абсолютные истины: 1) все мужики – козлы; 2) Жени не достойна ни одна женщина, потому что все бабы... Да. Это самое слово. Все, кроме, разумеется, бабушки и мамы. Ну, и он, Женя, не козёл, а надежда и опора им в старости. Поэтому он должен немедленно жениться на «девочке из порядочной семьи», хотя, конечно, таких уже не делают. Слушать такое на завтрак, обед и ужин не каждый съдюжит. К тому же Женька был ещё молод и не понимал: то, что им нужно, он им дать не может, увы, с какой силой ни люби.

Его поцелуи в щёку хороши, но сыновние. Купленные им апельсины вкусны, но это всего лишь сыновняя забота. Они и сами уже не понимали, что им нужно. И сиюминутная радость всегда быстро сменялась недовольством. За последние двадцать лет у его «трёх мушкетёров» женского пола сильно испортился характер. Они были бы и рады измениться, но уже не могли. Мало было желания, нужны были события, что изменят их мир. Мир бесконечного бега по одному и тому же кругу. Поэтому Женька устраивался на любую работу, лишь бы пореже бывать дома. И вот наконец он закончил свою бесконечную учёбу в медицинском институте, осталось ещё два года интернатуры и...

Что «и»?

Пожалуй, вернёмся в обсервационный родзал, где, подперев собою кафельную стеночку, отдыхает от впечатлений своего первого дежурства в акушерском стационаре вчерашний отличник, а ныне – врач-интерн Евгений Иванович – вы будете смеяться – Иванов.

Может, у генетического отца и была какая-то сложная благородная фамилия, но Женька получил фамилию мамы Леночки, унаследованную от деда лётчика, а не самца, оплодотворившего её мать.

* * *

– Иванов Евгений Иванович, ты – молодец! Мало кто из врачей, я уж не говорю об интернах, так шпарит наизусть технику наложения акушерских щипцов.

– Да это, Пётр Александрович, не моя заслуга. У меня просто память... как бы это сказать, чтобы не выглядело слишком патологически... очень хорошая. «Шпионская». Я могу любой текст выдать, единожды его прочитав. Так что щипцы я бездумно озвучил, как фрагмент из учебного параграфа прочитал. Я, честно говоря, совсем не понял, что вы там и как сделали. Но выглядело как волшебство.

– Так это ты от благоговения в обморок шлёпнулся? Шучу-шучу. Нормальная реакция для здорового половозрелого мужика, впервые воочию причастившегося к таинству рождения. Таинству, отягощённому нежеланием духа протолкнуть рождающееся тело в канал. Дух, он, знаешь ли, тоже бывает и ленивый, и трусливый. Как человек. Вечная коммунальная борьба готовящих в одной кухне. Не обращай внимания, меня имя и фамилия обязывают говорить всякое. А женщины, интерн, они покрепче мужиков будут. Покрепче – и побесчувственнее, с одной стороны. С другой – фемины наделены такими способностями, такой чувствительностью, такими чувствами, таким надвосприятием, что нам, мужикам, и не снились. И не вымолить, и не научиться. По факту рождения не дано – звон яиц Слово Божье заглушает децибелами. Так что ты там о своих мнемонических способностях говорил, шпион? А на слух как?

– На слух – хуже, но процентов на девяносто точность гарантирована.

– Отлично! Пойдёшь ко мне в личные ординарцы, если ты, конечно, не против.

– Да как я могу быть против?! У нас почти все интерны мечтают с вами хотя бы пару раз в родзале или у операционного стола постоять. О вас легенды ходят.

– Да, я – легендарная личность, скажу без ложной скромности. Только ты не радуйся преждевременно. Условия жестокие. Кроме дня, положенного вам деканатом, и дежурств по вашему графику – ты приходишь в любое время суток, если я работаю. А я работаю почти всегда. Так что, если есть жена и дети – семь раз подумай и один раз ответь.

– Нет жены. И детей нет, – улыбнулся Женька.

– Что так? Красивый, здоровый, таких обычно расхватывают сразу. Надеюсь, ты не того?..

– Не того, – засмеялся Женька намёку на ориентацию. – Просто я жду настоящего.

– Настоящего чувства?

– Настоящего всего.

– Соображаешь. Видимо, за героизм, проявленный этой ночью, меня одарили стоящим учеником. А кто есть, пока настоящее всё не появилось? – прищурился Пётр Александрович.

– Да как у всех. Транзиторные девушки и три константы – Леночка, бабушка и тётя Аня.

– Причём все под одной крышей? – Заведующий физиологическим родильно-операционным блоком понимающе хмыкнул.

– Ну, почти.

– Ну, тогда тебе сам бог велел здесь торчать. Тем более тут частенько бродит одно самое настоящее всё. – Пётр подмигнул Женьке.

– Пётр Александрович...

– Да?

– А я сам щипцовый.

– Незаметно.

– Я хотел спросить... Ерунда, конечно. Таких совпадений не бывает, но вдруг?..

– В жизни ещё и не такие совпадения бывают. Не мямли. Чего спросить хотел?

– У нас в доме ходит легенда о докторе, что маме Леночке родить помог...

– Имя русское, отчество – не вспомнить, фамилия – жидовская, благообразный русоволосый мускулистый мужчина, бубнит – вроде не то заговаривает боль, не то гипнотизирует? – усмехнулся Пётр Александрович.

– Откуда знаете?

– Привык. Роддом? Год?

Женька назвал.

– Ну что ж, очень даже может быть. Сними колпак.

Молодой человек сдёрнул белую шапочку, Пётр Александрович пробежал пальцами по окружности Женькиной идеальной формы головы.

– Чистая работа. Похоже, что я. Хотя не верь вот этим, – он помахал у Женькиного носа длинными чувствительными тонкими пальцами, – сказкам. Никто, пощупав башку, не может сказать спустя двадцать с лишним лет, мол, моя работа. Чушь всё это. Я на год и роддом ориентировался. Я тогда именно там и работал. В обсервации. Эту больницу ещё не построили. Всё остальное – фокусы для верующей в меня публики. Надо же легендарный имидж поддерживать. И не я заговариваю – анестезиолог обезболивает, а что бубню ритмично – так это я себя структурирую и немножко – пространство, не более. Щипцы же акушерские, Евгений Иванович, – это не тактильно. Щипцы – это ядерная физика. В том смысле, что, пока законы Ома не выучишь, в высоких материях тебе делать нечего. Да и какие это, по большому счёту, высокие материи – щипцы? Это самое обычное ремесло. Я раньше полостные накладывал, когда мин-, обл- и горздравы такой большой процент кесаревых не разрешали. Напишет врач женской консультации: «Выключить потужной период», а как его выключить? Щипцами. А теперь – нет. Теперь – только выходные. Мы теперь из канала без надобности не вытягиваем. Мы каналы «вскрываем». Как трубопровод – газорезкой. Впрочем, неверная аналогия. Ты, как отличник, должен знать, что в нынешнем акушерстве плановое кесарево рекомендовано выполнять с началом родовой деятельности. А почему?

– Потому что биохимия организма приспособливается с началом регулярной родовой деятельности к изменившимся условиям, свёртывающая система крови меняется с началом схваток – и кровопотеря меньше, и угроза кровотечения. Потому что...

– ...Потому что толчки и канал раскрывается, – продолжил Пётр Александрович.

– Ну да. Я же и говорю – схватки.

– Говори-говори. Правильно говоришь. И читай побольше. А меня не сильно слушай, особенно в ночное время. Такое, бывает, несу, самому потом стыдно. Да. – Пётр усмехнулся. – Ладно. Это всё беллетристика. В общем, я завтра – ответственный дежурный врач, так что с утра после пятиминутки можешь сгонять помыться и перекусить домой, а затем – милости

прошу. Профессору и начмеду я сообщу, что ты поступаешь в моё безраздельное личное пользование.

– А тут можно помыться и перекусить? Я живу не близко и...

– ...И вообще туда не очень хочу. Понятно. Можно. Душ есть в каждом отделении. Санитарка гавкнет – сошлѐшься на меня. Буфет – в главном корпусе. Если денег на сомнительной свежести и качества яства по завышенным ценам нет – манной и овсяной каши завались, молока и какао – хоть ванну принимай, – буфетчицы домой собакам носят. Тоже на меня ссылайся. Свободен, Евгений Иванович!

Они как раз дошли до кабинета Петра Александровича.

– У меня тут незаконченное randevu с юной нимфой, наверняка уже спящей богатырским сном. Пускает слюни, предварительно выхлебав опрометчиво не спрятанную мной бутылку представительского коньяка. Ей что эфир, что портвейн – всё едино, – вздохнул заведующий. – Вали учиться писать, Евгений Иванович. Ты всё равно ещё в старческих ветхозаветных страстях неймѐшь ничего. Падай Игорю или Виталию Анатольевичам на хвост и слѐзно проси изображать под диктовку. Ещё Мария Сергеевна хорошо пишет, Светлана опять же Анатольевна и... Много кто. Познакомишься ещё. Начмед наша – маг и волшебник практически во всѐм, и это отчасти и моя заслуга. Но не в писанине. А это, частично, – моя вина. Ещё кто? Владимир Иванович – заведующий отделением патологии беременности. Хочешь увидеть анатомически гениальную операцию – к нему хоть из-за спины посмотреть просись. Правда, у него есть некоторые особенности, так что тебя он охотно и в ассистенты возьмѐт. Тебе всё доложат и без меня. А вот Боня в «поздняках» и в написании историй родов и протоколов операций – ас. Виталик – на будущее – непревзойдѐнный функциональный диагност. Увы, функциональный, а не физикальный. Во многих знаниях – многие шоры. Бери от каждого лучшее. Будешь старательным и упорным – дар воспринимать роды прямо придѐт. В сказках что надо сделать?

– Сказать волшебное слово? – улыбнулся Женька.

– Это уже ближе к финалу. А сперва три пары железных сапог надо сносить по мрачному зимнему лесу, полному чудовищ твоих страхов, в тулупе из крапивы на голое тело.

– Спасибо, Пётр Александрович.

– Спасѐт. Не сомневайся.

Женька потопал тѐмными коридорами к грузовому лифту.

– Лифтѐршу не тревожь. Она – тоже человек. Пусть спит. Пять этажей вниз – не развалишься! – донѐсся из коридора приглушѐнный, но всё равно звучный баритон Петра Александровича.

Евгений Иванович открыл дверь и порысил вниз по лестнице. «Удивительный у него голос. Он владеет им не хуже, чем своими руками, эмоциями, мимикой. Невероятный человек этот Пётр Александрович Зильберман». Женька решил ничего не рассказывать матери. И не только потому, что живо представил кудахтанье своего немногочисленного, но голосистого курятника, а просто не хотелось делиться приоткрытой при странном стечении обстоятельств тайной своего рождения. «Пусть я так и не знаю, кто мой биологический отец, – если ему не нужно, мне – тем более. Да и не так уж важно это для взрослого человека. Зато я теперь почти наверняка знаю, чьи руки меня приняли и чей голос я услышал, придя в этот мир. Не так уж мало, не правда ли?»

– Ну, интерн, могу сказать, что тебе повезло, – обратился Виталий Анатольевич, сидящий за столом в родзале, к Женьке, как только тот вошѐл. – Во-первых, увидеть наложение акушерских щипцов на первом дежурстве, да ещё и в исполнении Зильбермана, это джек-пот. Во-вторых, я так понимаю, старик Петруччио нас заметил? Это полное и окончательное очко. Но должен тебя предупредить, он своенравен. Правда, никогда не кричит в отличие...

– Виталик, твою мать! Подвѐл всех ты, а трахнут – меня!

В дверном проёме появилась могучая туша заведующего отделением наблюдения этого родильного дома, входящего в состав многопрофильной клинической больницы, и сегодняшнего ответственного дежурного врача Игоря Анатольевича Бойцова, носящего партийную кличку Боня.

– ...в отличие от Бони. Началось, – дошептал себе под нос Виталий Анатольевич Некопаев – опытный акушер-гинеколог, руководящий Центром экстренной и неотложной помощи беременным, роженицам и родильницам, недавно созданным на базе родильного дома, специалист ультразвуковой диагностики и просто хороший парень, принимавший роды у сегодняшней девочки Леночки по предварительной договорённости.

– Игорь, мы с тобой её совместно осматривали? Осматривали. Ты свою подпись под моей поставил? Поставил. В истории её родов есть подписанная у начмеда по акушерству и гинекологии бумаженция о том, что роды принимаю именно я? Есть. Какие проблемы?

Игорь, склонный к театральным эффектам, распалённый наличием нового «юного зрителя» в лице интерна, слегка сбавил тон.

– Ладно, чего сразу такой официоз? Я, в конце концов, «тут тоже вам не фуфло», а ответственный дежурный врач. А не будь Пети в роддоме, кому бы эти щипцы пришлось накладывать? Мне. То-то. Так что последний раз все эти ваши «понаблюдаем» и все эти их... – он кивнул на каталку, где лежала Леночка, – «сама рожу!». Чуть что – сразу в операционную. На хер, на хер. Вы историю записали? Давайте подпишу.

– Не записали ещё. Пётр Александрович возжелали-с, чтобы их интерн проводили в кабинет к незаконченным утехам.

– Только боюсь, Анечкино время «Ч» уже прошло! – загоготал Игорь. – Так и будет наш Гумберт Гумбертович Зи-Зи ласкать свою нимфетку в её блаженном детско-алкоголическом беспамятстве. Чего, интерн, глаза таращишь?

Женька вовсе не тарасил глаза, а скромно стоял у стола.

– Это жизнь, парень, привыкай. Это тебе не по стеночке сползать при виде крови. Это – большая любовь на склоне дней. А там, как известно, всё нежнее и суеверней. Налить чернил и писать историю, короче. Виталик, я сейчас на часок отъеду, ты всё равно уже домой не поедешь, я так понимаю?

– Да какой уже домой...

– А и правильно, зачем тебе домой? Деньги можно почтовым переводом послать, – заржал Игорь.

– Ой, уж ты бы лучше помолчала бы... – пропел Виталий Анатольевич.

– Молчу-молчу. Подстрахуешь, короче. Допишете историю, я как раз приеду. Интерн, пиццу будешь?

– Буду, Игорь Анатольевич, – улыбнулся Женька.

– Ну, вот и молодец. А то кривляются тут, «что вы-что вы». В коллектив надо вливаться, раз пришёл. А коллектив у нас сложный и неоднозначный. Скандальное бабё, мужики-сплетники, скопище несчастных юродивых, злых шутов, добрых царей, незамужних похотливых принцесс и остервенелых климактерических королев. В страшное место ты, парень, попал, – сказал совсем не страшный Боня. – Значит, через час – три пиццы, три пива и три бабы. Последнее – шутка. До скорой встречи в буфете.

– Да лучше ко мне, в Центр, пойдём. Там места больше, тише и курить можно.

– Нет, в моём буфете. Потом покурите.

Игорь Бойцов вразвалочку вышел из наблюдационного родзала.

– Игорь классный мужик, хотя сволочь редкостная, – тут же сказал Виталий Анатольевич Женьке, подтвердив озвученный Бойцовым факт наличия в коллективе мужиков-сплетников. – От него жена ушла недавно, потому что сложная семейная история, сериалы отдыхают,

да и характер тот ещё. Теперь он к ней по ночам катается, всё хочет любовника застать. И ещё он импотент.

– А вы откуда знаете, что он импотент? – честно глядя в глаза старшему товарищу, спросил Женька.

– Так. За работу! Бери историю и главное оружие врача. Потому что историю родов мы пишем не для себя, а для...

– ...прокурора.

– Точно! История – документ не исторический и даже не сатирический, а – *dura lex sed lex*¹³ – юридический! Рыба!!!

– Что, Виталий Анатольевич? – Полная пожилая акушерка с неожиданной прытью выскочила из родзала, где персонал под её командованием гремел металлом и елозил тряпками с дезрастворами.

– Да не прыгай ты так, не бабки ещё. Муж только через пару часов подъедет. Ты журнал родов записала?

– Да, Виталий Анатольевич.

– Надеюсь, Петра Александровича принимающим роды отметила?

– Естественно! – слегка высокомерно хмыкнула Рыба. И, не удержавшись, добавила: – Не вас же! Вас я в ассистенты. У вас сегодня больше никто не рожает? А то закон парных случаев, знаете ли... – и тут же царственно отправилась в родзал, довольная собой.

– Вот же, старая задница, – скорее восхищённо, нежели зло сказал Виталий Анатольевич интерну. – Ты вот что запомни. Тут, в обсервации¹⁴, есть три акушерки, в чьи руки надо смотреть благоговейно и просить, просить, просить, чтобы учили. Во-первых, даже не Рыба, а Лось. Чего улыбаешься?

– Зоопарк какой-то.

– Сам ты зоопарк. Ты, главное, это им не скажи, а то всё – остракизм на веки вечные. Потому, что командует в родзале тут не сам заведующий. И даже не начмед. А та самая Лось. И это, в отличие от Рыбы, не кличка, а фамилия. Людмила Николаевна. Назовёшь без отчества – тебе конец. Сумеешь понравиться – считай, уже кофе здесь, прямо в родзале, за столом пьёшь, хотя нельзя. Санэпидрежим! Не приглянёшься – всё. Вход закрыт. Изведёт придирами от мазков из носа до бахил по колено и масок по грудь. Тут своя субординация, понимаешь? Людкина любимая фраза: «Ты хоть и врач, но интерн. А я хоть и акушерка, но старшая!»

– А если наоборот?

– В смысле?

– «Вы хоть и старшая, но акушерка. А я хоть и интерн, но врач!»

– Можешь попробовать. Но тогда всю интернатуру, по крайней мере тут, в обсервации, ты просидишь, не высывая носа из ординаторской. Гонор хорош, когда чем-то подкреплён, а размахивать дипломами тут не принято. Тут свой кодекс чести и бесчестья. Субординация по ранжиру знаний и умений, а ты пока никто и звать тебя – никак, уважаемый Евгений Иванович Иванов. Это только дураки считают, что их по факту наличия диплома врача все уважать должны, а они никому ничего не должны, кроме как, задрать нос, рассекать пространство.

– Понял, не дурак, – искренне сказал Женька.

– Так вот, Людмила Лось, Светлана Ивановна Рыбальченко. – Виталик мотнул головой в сторону родзала. – И Анжела Джуриная. Людмила и Анжелка молодые, но они Рыбины ученицы, наголову её превзошедшие. Наверху, в физиологии у Петра Александровича, Семёновна. И

¹³ Закон суров, но это закон (*лат.*).

¹⁴ *Обсервация* (*лат. observatio* – наблюдение). В роддоме отделение, в которое госпитализируются необследованные, температурающие и прочие, нуждающиеся в изоляции от здоровых беременных, рожениц и родильниц.

пожалуй, всё. Роды принимать у них учись. Наблюдай и внимай. Остальные – ни шатко ни валко в пределах допустимой жопорукости. С начмедом нашей знаком уже?

– Да, один раз собирала всех интернов.

– И что? – усмехнувшись, поинтересовался Виталий Анатольевич.

– Вначале всё тихо-мирно, правила, то сё, а потом как распалилась и орала целый час, мол, никому мы здесь не нужны, развелось тут «позвоночных» и блатных, куда столько акушеров-гинекологов девать и вообще.

– О да. Наша Елена Николаевна это любит. К тому же она права, не так ли?

– Не знаю. Вам виднее, – благоразумно и доброжелательно ответил хитрый Женька.

– Ты лучше сразу скажи, чей родственник.

– Сразу говорю: я сын мамы Лены, бабушкин внук и вовсе не племянник тёти Ани, хотя, признаться честно, именно последняя устроила мне и саму специализацию, и распределение на эту клиническую базу.

– Остряк. Я смотрю, ты сообразительный. Толк будет. Ну, писатели юные – головы чугунные, берём ручку в правую руку...

– В левую.

– В акушерстве, Евгений Иванович, нет правой и левой. В акушерстве все поголовные амбидекстры¹⁵. Так что берём ручку в свободную руку, открываем историю родов и пишем. Я говорю – ты быстро, по возможности разборчиво, строчишь и запоминаешь. Потому что, работая с Петей, диктовки не дождёшься.

– Я постараюсь запомнить, Виталий Анатольевич. – Женька улыбнулся, открыл худенький кондуит формата А-4, состоявший из бумажно-газетного титула с заполненными акушеркой приёмного покоя шаблонными графами, первичного осмотра, записанного рукой дежурного доктора обсервации Чуприненкова, и предусмотрительно вклеенных акушерками чистых белых листов.

– О, девки молодцы! А на будущее – это твоя забота. И новомодные, набранные на компе трафаретки для вписывания наша начмед не очень жалуется. Это так, для справки. Потому что Петру Александровичу будет всё равно, что, как и где ты пишешь – хоть на стене больничного гаража. И, что самое интересное, будь в моей или Бониной или чьей-то ещё истории записано что-то не так интерном – поймут нас. Что-то не так записано в историях Зильбермана – трахнут тебя. У них с начмедом любовь. Была. И осталась. В смысле видоизменилась... Ладно, поехали.

В течение часа Евгений Иванович добросовестно записывал под диктовку. Реальная писанина истории родов совсем не походила на то, чему учили на четвёртом, на пятом и даже на шестом курсах. Зачем эти бесконечные: «Общее состояние удовлетворительное. Пульс 72', ритмичный, удовлетворительного наполнения и напряжения. ЧДД¹⁶ – 16'. Предъявляет на схваткообразные боли внизу живота по столько-то секунд с интервалом в столько-то минут. Сердцебиение плода ритмичное до 140'. Во время схватки – до 160'. После схватки восстанавливается. Из родовых путей подтекают светлые околоплодные воды. С целью уточнения акушерской ситуации выполнено внутреннее акушерское исследование. Протокол: после обработки наружных половых органов двухпроцентным раствором хлоргексидина...» О-о-о!!! Каждое биение, каждое внедрение иглы или рук запротокколировано, подписано, чтобы спустя время всё повторить сначала. До излития вод – каждые два часа. После отхождения – каждый час. С началом потуг – каждые десять – пятнадцать минут. После рождения – летопись замеров, взвешиваний и заполнение своей части неонатологической истории. Все подробности, проис-

¹⁵ Умение одинаково ловко работать обеими руками, врождённое или выработанное в тренировке (от лат. *ambo* – оба и *dextera* – правая рука).

¹⁶ Частота дыхательных движений.

ходящие в святая святых материализованных корпускулярно-сосудистых, синюшно-налитых самых-самых женских чар, в обычное время приносящих лишь наслаждение. Как деловито они суют туда и железо, и пальцы, как будто это студенческий обрубленный фантом или туша на рынке. Немудрено стать импотентом. С другой стороны – прими это, как живого стонущего человека, наполненного болью, дай волю жалости – и ты бессилён. Тебя смоем цунами бессмысленных чувств, не дав доплыть, доделать, помочь. После написания протокола наложения акушерских щипцов Женька отпросился на перекур. Руку уже чуть не сводило в писчем спазме. Слишком восприимчивый мозг переполнился информацией, чувствами, мыслями, ощущениями.

– Ну, пойдём вместе, – без всякого кастового снобизма сказал Виталий Анатольевич. – Вообще-то курение на территории родильного дома, а также больницы строго запрещено. Поэтому обычно курят или в подвале, или на пятом этаже в окошко на лестнице. Но поскольку ночь и тишина, пошли курить в приём. За ширмой спит санитарка, если хочешь рискнуть здоровьем – буди. При мне, конечно, она тебе ничего не скажет, а вот будь ты один... Впрочем, не будем тревожить её богатырский сон, а тихонько сами откроем замок, – проводил он «инструктаж» по дороге. – Не дёргай людей без нужды, и тогда они вовремя придут, когда действительно необходимо. Хотя вот Бойцов дёргает кого и когда угодно по любому личному поводу, а они от него только тащатся. Аура личности, понимаешь. Санитарка и на Зильбермана залает только так, а как Боню увидит – млеет и тает. Потому что Боня – самец, несмотря на ушедшую жену и мужскую несостоятельность. А Петя, хоть и мужик всё ещё с женой и любовницей, – апостол, в которого грех камень не кинуть. Не канонизируют потому что иначе. Игоря племс обожает, а Петра – избранные, беременные и юродивые. Такие, Евгений Иванович, у них архетипы.

– Что-то всё как-то просто и однозначно у вас, Виталий Анатольевич.

– А в жизни вообще всё просто, интерн. Во всяком случае, в моей, – вздохнул Виталик.

Они спустились на ступеньки приёмного покоя и закурили. Первая Женькина затяжка после многочасового перерыва была очень освежающей. Плавные движения охлаждали руку. Мерное вдыхание дыма структурировало. Некоторое время они просто глотали смесь смол и никотина со свежим ночным воздухом, отличным от дневного, как отличается белая мутно-кристаллическая кисея от матовости нежнейшего синего шёлка.

* * *

– Шёлк или кисея?.. Виталик!

– Что?

– Шёлк или кисея?

– Милая, мне абсолютно всё равно.

– Мне иногда кажется, что ты просто не помнишь, как меня зовут.

– Что ж, ты не так далека от истины, любимая. Зайчик. Котик. Рыбка. Медсестричка, – пробурчал себе под нос будущий молодожён.

На его счастье, он не был услышан, потому что в комнату внеслась без пяти дней тёща, уже ощущавшая себя полновластной хозяйкой в двухкомнатной квартирке этого добротного, построенного военнопленными немцами, дома на не самой далёкой окраине столицы. Толстые кирпичные стены, окна выходят в тихий двор. Досталась Виталику от одинокой тётки. Вернее – бабушки. Точнее – родной сестры его бабушки. «Как они там правильно называются, такие родственники?» – мучил его в данный конкретный момент не самый, скажем прямо, насущный вопрос.

У Виталика были планы на эту квартиру. Он хотел разрушить кое-какие стены – между кухней и маленькой комнатой, соединить крохотный туалет с небольшой ванной и создать уютное холостяцкое гнёздышко начинающего сибарита. Чтобы жить, работать, девушек водить, не

оглядываясь на маму с папой. Последние, впрочем, никогда не мешали, но и остроты оргазменным ощущениям не добавляли. Ремонт откладывался по ряду финансовых причин и невозможности разрушить несущую стену между кухней и маленькой комнатой, да и работал молодой врач Виталий Анатольевич не на живот, а на смерть – он любил свою профессию и держал нос по ветру. Благо возможность посещать всяческие курсы за государственный кошт в конце восьмидесятых ещё была. Поэтому он и оперативной техники ухватывал, и аппарат УЗИ осваивал, не особо куда-то торопясь. Потому что вся жизнь, полная девушек, иных плотских наслаждений и лучезарных карьерных вершин, была впереди.

И надо же такому случиться, а? «Одно неловкое движение – и вы отец». Всё в точности в соответствии с классиком советской сатиры. И не то чтобы ему не нравилась эта медсестричка из детского. Напротив – очень даже нравилась. Иначе не привёл бы он её однажды поздним вечером к себе в отдельное гнездо со всеми удобствами. И даже не привёл, а привёз на метро – недавно ветку достроили. У девочки как раз какие-то проблемы были с соседкой по общежитию. У таких хрупких кареоких душечек не должно быть соседок по общежитию и проблем. Подобные газели должны с вечера до утра услаждать крепких мужчин. Чтобы с утра до вечера отдыхать, а также холить и лелеять себя в преддверии следующей серии услад. Дежурила она как раз сутки через трое, так что пара ночей обещала быть поистине прекрасной. Медсестричка мало говорила, в отличие от разбитных однокурсниц и коллег, отягощённых учебными дипломами. Затаив дыхание, взирала на набитые книжные шкафы с Фолкнером, Хемингуэем, Маркесом, Пастернаком и прочими дефицитными «духовниками» мира сего.

– Борис Пастернак! – читала она. – Надо же, у него русское имя!

– Ну да. Он же русский писатель, хотя и еврей.

– И ты всё это прочёл? – замирала она в немом восхищении, пропуская непонятую шпильку мимо ушей.

– Ага! – гордо отвечал он, втайне радуясь, что вот с ней уж точно не надо будет рассуждать о символике дуба из нобелевской «Саги о Форсайтах», об эпохальности отвратительного лично ему, Виталику, Солженицына и о чрезмерной достоевщине некоторых произведений Папы Хэма.

– О, знаю! Он «Лолиту» написал! – тыкнула она в корешок, где золотом по чёрному было вытиснено: «В. Набоков. Защита Лужина».

– Читала? – с ужасом спросил он, не в силах сопоставить интеллект медсестрички с огромным количеством французского в бессмертной англоязычной поэме русского человека о любви с извечного взгляда¹⁷.

– Да нет, не читала. Слышала.

– Ах ты ж моя умница! Слышала, – плотоядно взирая на девушку, проговорил Виталик, чувствуя себя Костиком из «Покровских ворот».

А ещё медсестра испекла на завтрак из забытого, прокисшего напроочь творога, неделю назад принесённого Виталику заботливой матушкой, удивительно вкусные сырники. Вдыхая чудный запах, так не похожий на аромат ритуальной, собственноручно приготовленной между сортиром и бритъём, вечно подгоревшей яичницы, Виталик только и смог спросить:

– А где ты взяла муку?

Казавшаяся наивной медсестричка, окинув обалдевшего собственника помещения победоносным взглядом, молча показала тоненьким пальчиком с трогательными заусеницами вверх, где находилась крохотная антресолька. Надо признать, в такие дебри Виталик и не заходил, хотя после смерти родственницы прошло уже полгода. Откладывал до ремонта, полагая, что там хранится всякий хлам, вроде неработающих ёлочных гирлянд и старого чемодана, с которым тётушка приехала в Москву в замшелом послевоенном году.

¹⁷ «Любви с первого взгляда, с последнего взгляда, с извечного взгляда». – Цитата из романа В. Набокова «Лолита».

– Там была мука?

– Ну конечно, глупый! – умильно прощепетала юная медработница. – И у нас вообще пир. Потому что там было ещё вот что... – ещё раз тыкнула она пальчиком уже в сторону обшарпанной столешницы, над которой высились два кособоких шкафчика – эдакая пародия на нынешние встроенные кухни, где стройными рядами выстроились отозванные из неприкосновенного тёткиного запаса в действующую кулинарную армию батареи консервов, сгущёнки, тушёнки, зелёного горошка и жестяные банки с индийским кофе и чаем «со слоном».

– Милая, ты уверена, что это можно есть? – спросил Виталик, несколько ошарашенный предприимчивостью юной феи. – Сдаётся мне, что лучшее, что мы можем сделать, – вынести это на помойку.

– Ты что?! – с неожиданными нотками крестьянской бережливости прикрикнула на него стройная нимфа. – Я уже этот самый чай с этой самой сгущёнкой пила, и ничего.

Как-то всё было не так. Виталик, выросший в интеллигентной, а значит, несколько безалаберной московской семье, в доме, где вечно тусовались бородатые технари с учёными степенями и томные высокообразованные дамы, в лёгком подпитии цитировавшие Цветаеву, представлял себе иное развитие событий наутро после ночи любви. Его своевольная психованная маменька всегда стучалась в дверь «детской», чтобы спросить: «Дети, кофе подать?», даже если видела очередную случайную пассию впервые. Или даже если не видела вовсе. А тут – сырники на отдраенной сковородке, инвентаризация продовольственных запасов покойной. Нет, что-то не так. Не так... Это именно он должен был проснуться первым и на правах хозяйина серала, довольного и добродушного, позволить самому себе собственноручно сварить нормальный кофе, добытый всё той же маменькой, принести его в свою постель своей наложнице, прикурить ей свою сигаретку и свысока умиляться в предвкушении...

– Ты бы не курил на кухне! Есть же балкон! – оторвал его от размышлений о несоответствиях внезапно скрипучий и капризный голос.

Он и не заметил, как закурил. В родительском доме курили все и везде, повсюду стояли пепельницы, валялись спички и зажигалки, а тут он вообще жил один. Он глубоко затянулся и выпустил дым. В направлении открытой медсестричкой форточки.

«Чёрт, она не курит!» Это как-то не помещалось в голове Виталия, напрочь прокуренной давно упокоенной бабушкой, её родной недавно умершей сестрой, бесшабашной маменькой и поверхностно рассудительным отцом, курящим, если уже на то пошло, вообще сигары.

– Ладно-ладно, кури уж. Это же твоя квартира, – примирительно сказала она.

– Чего ты поднялась в такую рань, тебе же не надо сегодня на дежурство? – Он решил сменить тему.

– Да я привыкла. Когда растёшь в деревне, будильники – солнце и петухи. К тому же у нас до сих пор, не поверишь, газ не провели. Баллон используем только для гостей и летом. Электрическая плитка – дорого. Так что печку не разведёшь – не позавтракаешь.

– Ну почему же не поверю? Я же всего лишь москвич, а не западноевропейский инопланетянин. У деда дача в Сергиевом Посаде, газа тоже нет.

– И приличная дача?

– Да ерунда. Сто лет строил. Так что, когда последнее доделывал, первое уже ремонтировать надо было.

– А участок? – задала девочка вопрос с интонациями председателя сельсовета.

– Стандартный – шесть соток, – на автомате ответил Виталик.

– Да, небогато. Но если с умом... А у тебя братья и сёстры есть?

– Да нет, я один. Желанное дитя безумной любви физика и лирика.

– А-а-а...

– Послушай, дорогая, какие-то ты странные вопросы задаёшь.

– Почему странные?

– Какие-то наводящие, что ли...

– Да о чём ты? – искренно удивилась властительница резиновых сосок и стеклянных бутылочек. – Ну, давай завтракать.

Сырники были вкусны, девочка была хороша собой, стройна и с виду непривередлива. Она ехала через весь город, убиралась в квартире похлеще заправской домработницы со стажем и рекомендациями. Отменно гладила рубашки, а не так, как маман, – сикось-накось, лишь бы быстро. Пришивала пуговицы в день их отрыва, а не спустя неделю униженных просьб и скандально-настойчивых напоминаний. Отдраила унитаз и ванну до первоначального блеска. Причём – по собственной инициативе. И ещё она... забеременела.

– Что будем делать? – спросил Виталик.

– Как что? – искренне удивилась она. – Поженимся.

– Да, действительно. Что это я. А иначе никак?

– А как иначе? В общаге меня с ребёнком не оставят, потому что общежитие предоставляется только сотрудникам больницы.

– Ну ты же будешь сотрудником больницы, просто в декрете, разве нет?

– Виталик, ты не находишь наш разговор идиотским? Ну, положим, даже в декрете я остаюсь сотрудником больницы... – спокойно начала она, не переставая начищать морковь для борща на его же собственной кухне. – Ладно. Пусть мне даже предоставят отдельную комнату как матери-одиночке. Но у меня здесь ни родственников, ни друзей, няньку я нанять не смогу, а я же должна выходить за хлебом хотя бы. – Она перешла к луку, не забывая смачивать остро ею же наточенный – об ею же купленный точильный камень – нож в холодной воде. – И потом, Виталик, ты же не хочешь, чтобы весь роддом, вся больница говорили о том, что молодой перспективный врач Некопаев, секретарь комсомольской организации больницы, кандидат в члены КПСС, обрюхатил медсестру-комсомолку-лимитчицу, только-только окончившую медучилище с красным дипломом, да и бросил её на произвол судьбы. Как раз накануне международной конференции, куда его, к слову, собирались делегировать. Не говоря уже о том, как это отзовется на его, допустим, отце, без пяти минут заведующим одной из кафедр физтеха... – Она кропотливо снимала «шум» с закипевшего мясного бульона, аккуратно убавив газ до нужного томления.

«Это ты, брат, попал!» – гулко пронеслось в голове у Виталика папиным гитарно-бородатым хемингуэвским голосом.

– Может, аборт? – ватно транслировал в эфир его внезапно онемевший язык.

– Что? Прости, тут у плиты шумно, я не расслышала, что ты сказал. – Медсестричка закидывала в варево невесть откуда взявшийся в его ещё так недавно райски холостяцком доме лавровый лист, отсчитывала горошинки чёрного перца и тщательно дробила чесночину приспособлением, ранее в его доме не имевшимся.

– Ну, прерывание беременности в раннем сроке! – Виталик воспринял собственный голос необычно громко и, что характерно, как чужой. «Я внезапно превратился в озвучиваемый кем-то персонаж». – Он старался не потерять семейного несколько гротескного физико-лирического юмора.

– Дорогой мой! Ну какое прерывание?! Ты – акушер-гинеколог, предлагаешь мне – детской медсестре, женщине и, можно уже сказать, матери, убить ребёнка? Твоего собственного, заметь, ребёнка!

– Да уж. Иван Грозный прерывает своего сына. Картина чужим маслом по холсту моей жизни.

– Какой ты остроумный! – восхищённо сказала повелительница ножей и шумовок. – Ну, скоро будем обедать. И кстати, о масле. Завтра моя мама приезжает из деревни и масла сливочного, вкусного привезёт и творожка.

– Зачем?

– Чтобы есть, дорогой.

– Нет, зачем она приезжает?

– Как зачем? Во-первых, вам уже пора познакомиться. И неплохо бы познакомить меня с твоими родителями. Меня и маму. Во-вторых, когда родится ребёнок, мне нужна будет помощь, а кто поможет мне лучше родной матери? Места у нас, слава богу, хватает...

– Да когда же он ещё родится, тот ребёнок?!

– О, время летит быстро, ты и оглянуться не успеешь. В общем, завтра она приезжает, встречать её не надо – мама у меня ушлая, а язык до Киева доведёт. Адрес твой я ей дала, не беспокойся.

– Действительно! О чём мне беспокоиться? Ты уже всё решила за меня, – сказал Виталик и, покорно взяв ложку, погрузился во вкусный наваристый борщ.

Замуж она выходила в атласе и гипюре. Потому что они ещё со времен Очакова и покоренья Крыма лежали в сундуках у заботливой тёщи, совершавшей товарные набеги на дорожную столицу, в коей она нынче поселилась на правах полноправной обладательницы московской прописки. Нечего тратиться на кисею. И уж тем более на шёлк. Страна развалилась, и КПСС-вопросы были сняты. Время действительно летело так быстро, что он и не заметил, как перестал читать что-либо, кроме специальной литературы. Как привык к крестьянской добротной чистоте, напрочь забыв такой родной творческий кавардак родительского дома. Как полюбил вкусную еду и даже приспособился к вечному фоновому присутствию матери жены, как привыкают к шуму прибоя живущие на берегу океана. Он воспринимал мерный рёв жениной мамы, как радио, которое невозможно выключить в связи с неисправностью приёмника.

Мадам Некопаева так никогда уже и не вышла из декрета на работу, так никогда и не прочитала «Лолиту» В. Набокова, невесть откуда из той самой юности всё ещё полагая её дрянным эротоманским романом, да и в толстом У. Фолкнере в оранжевой обложке дальше фразы: «В помещении, где заседал мировой судья, пахло сыром» не продвинулась, потому что не имела проблем ни со сном вообще, ни с засыпанием в частности.

Она целиком посвятила себя детям. Сперва – мальчику, а чуть позже – и девочке. Почётное дело уборки, глажки и варки было передано тёще, а бывшая детская медсестра неплохо распорядилась доходами Виталия Анатольевича, превратившись в модную московскую даму, жену модного востребованного специалиста, отвозящую на собственном модном авто детей в модные школы – обычную, художественную, музыкальную, а также на каратэ, айкидо и даже в театральную студию.

Бывшая детская медсестра бдительно следила, чтобы дети «много читали», но когда дочь, удавшаяся в бабушку «с той стороны», ехидно предложила ей вместо бесконечных шедевров Дарьи Донцовой осилить хотя бы «Трёх мушкетёров», – отстала.

В Сергиевом Посаде отгрохали современную дачу, загородившую солнце всем соседним пенсионерским шести соткам, «глаза бы их не видели». Со временем был прикуплен участок слева. А позже – и справа. Приобретена квартира побольше, а на деньги от продажи тёткиного наследства сделан отличный ремонт.

Виталий Анатольевич вслед за супругой пополнел, слегка облысел и многого добился на профессиональном поприще. Иногда он заезжал к родителям глотнуть свежего воздуха безалаберности не своей уже семьи, страшно завидуя тому воистину московскому вольному духу, который эти бессмысленные, по словам жены и тёщи, люди сумели сохранить, прожив вместе страшно сколько лет. Периодически Виталик заводил интрижки, на которые госпожа Некопаева закрывала глаза.

А недавно он полюбил. Не до безумия, потому что априори был на него неспособен, но всё же, всё же... Полюбил ехидную, болтливую, непокорную, блестящую, остроумную, начитанную молодую докторшу, которой надо было приносить кофе в постель, прикуривать

сигарету и любить-любить-любить, пока мошонку не сведёт судорогой, а душу не вывернет наизнанку. Дама была отлична от жены Виталика, как отличается матовость нежнейшего синего натурального шёлка от белой мути дешёвой наэлектризованной синтетической кисеи. И он только трогал, наслаждаясь и понимая, что уже никогда не решится на подобное – дорого, непрактично, не по карману, не по сезону, не по решительности, да и смотреться на нём будет нелепо.

И вообще. Дети. Семья. Работа. Деньги. Недвижимость. Недвижимость. Замирание в неподвижности. Ночь. Ночь и сигарета с интернетом. Воспоминания о прикосновениях и предвкушение прикосновений. Сладостное томление ожидания мучительных в своей неожиданно реакции. Между – замирание в неподвижности детей, семьи, работы, денег. Всё. Последняя затяжка. Дома так не покуришь. Даже ночью. Дома не будешь полновластным хозяином, минуя безразлично храпящую санитарку, идти через приёмный покой на волю. Дома ночная вылазка на балкон будет отслежена, а удовольствие испорчено укоризненными взглядами, неуместными вопросами и брезгливо наморщенными рязанскими носиками-близнецами.

* * *

Все протоколы были написаны, история родов украшена сигнатурой Бойцова, и Виталик, Игорь и Женька, вкусив пиццы под праздную болтовню, пересыпаемую шуточками, отправились немного поспать.

Бойцов потопал в свой законный кабинет заведующего обсервацией. Некопаев успокоился в помещении Центра экстренной и неотложной помощи, находившемся в далёком уголке высокого четвёртого этажа. В ординаторской спал богатырским сном дежурный доктор.

Евгений Иванович зашёл в притихший родзал. Женщину уже перевели в послеродовую палату, и коридор был пуст – больше сегодня сюда пока никто не поступал. В предродовых палатах не горел свет, акушерок и санитарок не было видно. Женька тихонько присел за стол. Стола было два – составленных вместе – в простенке между дверьми. На одной висела табличка: «Операционная», на второй – «Родзал № 1». Женьку немного познабливало. Вряд ли от холода – в помещении родзала было даже слишком тепло. Скорее – от избытка информации и впечатлений. Нет, он и раньше знал, какова врачебная кухня. И раньше все они – санитарки, медсёстры, врачи – шутили с ним, рассказывали дело и всякую ерунду. Но, видимо, наличие диплома есть некий переход на качественно иной уровень общения. Всё-таки медицинская среда насквозь пропитана вертикальной кастовостью, несмотря на сквозные швы дружеских горизонталей.

Женька достал блокнот.

Он всегда писал. Всё время – с самого раннего детства – что-то записывал. Бабушка и мама Леночка проявляли удивительный, не характерный для них ни в чём другом – например, в его праве на уединённость омовений, – такт и не посягали на приватность содержимого его ума и души. В отличие от тёти Ани – та при первой же возможности совала нос в забытые на кухонном подоконнике или даже в туалете безалаберным Женькой записки и настоятельно, со всей серьёзностью рекомендовала бабушке и маме Лене «показать мальчика психиатру». Как-то мама Леночка подсунула тёте Ане невесть откуда взявшиеся у неё ротапринтные копии ерофеевских «Записок психопата», мол, почитай, это – литература, а не сумасшествие. Тётя Аня, раскрыв наугад, продекламировала:

– «Двадцать пятое декабря. А – катись все к ебеней матери!!!»¹⁸ Лена! Если это – литература, то я – Лев Толстой. Если наш Женечка такое же пописывает, то его надо сперва высечь. А потом уже – к психиатру!

¹⁸ В. Ерофеев. Записки психопата. Москва, Захаров, 2004. Издано по рукописи, в авторской орфографии и пунктуации.

Мама Леночка пускалась в пространные рассуждения о недопустимости «вырывания из контекста», о тяжёлой судьбе чувствительных и тонких людей в этом жестоком-жестоким мире, цитировала ей наизусть целые куски из «Москва – Петушки», но тётя Аня твёрдо стояла на своём: «Ерофеев – вовремя не высеченный и не вылеченный алкаш, псих и тунеядец, вы тут все попустительствуете заразе, а мальчик должен не хернёй маяться, а физкультурой заниматься». Надо сказать, что перед лексикой пятиминутной речи технолога – на тот момент – хлебзавода вся идиоматика несчастного Венички, вместе взятая, меркла, как тусклое пламя одинокой восковой свечи пред ликом Сына Божьего в забытой Отцом сельской церквушке меркнет в сиянии прожекторов Лужников во время матча «Спартак» – «Динамо».

Ни бабушка, ни мама Леночка ничего не могли поделаться с тётей Аней. Да и не хотели. Она искренне их любила уже много-много лет. Любила и заботилась. Кровной родни у неё не было, детей – с тех самых пор, как помните, – тоже. Поэтому всё своё нерастраченное материнство, сестринство, дочеринство и прочее «инство» она неистово обрушивала на эту тихую, почти женскую семью. Пока они ссорились, рыдали, а потом – мирились и смеялись, Женька потихоньку улепётывал, закрывал дверь в свою комнату и предавался сладостной, освобождающей писанине. Писал он, что правда, нелепо и коряво – мудрые вечные детские мысли перемежались глупыми сиюминутными «взрослыми» рассуждениями о нелёгкой, прости господи, женской доле, о счастье детности и несчастье бесплодия и даже о том, что все мужики – не более чем *«пробная экспериментальная модель Создателя. Неудачная. Слабая. Нежизнеспособная. Не подготовленная к ударам судьбы»*.

Конечно же это он подслушал у своих дам. Со временем он осознал, что и сам в некотором роде – как минимум по строению половых органов – относится не к самому удачному «модельному ряду». А чуть позже стал уже без детской боли, горечи и обиды замечать, что мир полон прекрасных мужчин, просто они по какой-то нелепой случайности не его папы и не мужа его бабушки, его мамы Леночки и его тёти Ани. В Женькину голову в положенный растущему мальчику период стала закрадываться ядовитая крамольная мысль: если все эти прекрасные мужчины – не его отцы и не их мужа, может быть, дело не в мужчинах, а в них самих. В бабушке, в маме Леночке, в тёте Ане и конечно же в нём самом – в Женьке. Он как-то спросил об этом тётю Аню, потому что, несмотря на маты, безвкусицу и необразованность, чуял, что именно она в их странной семье – самая умная, грамотная и та самая – жизнеспособная.

– Выбрось этот идиотский мусор из своей тупой башки, дубина! – фыркнула она и повела его в кино, а потом в кафе-мороженое, где, путаясь в словах, долго и визгливо объясняла, как всё на самом деле устроено.

Окончательно заплутав в могучем и великом, так и не найдя «точки опоры», чтобы перевернуть тему, и безнадежно разозлившись – он так и не понял на кого, – она повела его в «Детский мир» и купила дорогущую, недоступную доходам бабушки и мамы Леночки, железную дорогу.

Женька поздним вечером записал в свой очередной блокнот: *«Двенадцатое марта. Не все бабы – дуры, хотя в основном. Не все мужики – козлы, даже те, что с бородой. Просто не всем везёт, и в этом никто не виноват. Нотабене:¹⁹ изучить вопрос везения после того, как соберу эту блядскую железную дорогу. Тётя Аня не справилась. Спросить у бабушки, какая это – блядская. Мороженое с сиропом вкуснее, чем без»*.

Он не знал, что такое «нотабене», но бабушка так часто говорила, когда хотела привлечь его внимание. А прилагательное «блядская» давно тревожило его небезразличный к языковым изыскам ум. Ещё было интересно, почему тётя Аня при бабушке и маме Леночке говорит просто «погода», «автобус», «директор», а при нём – Женьке – у неё и соседка «блядская блядь», и электричка «блядская», а уж как она при нём отзывалась о погоде, особенно тогда, когда

¹⁹ *Nota bene!* – Обратить внимание! (лат.)

раздобыла себе белое заграничное пальто и отправилась обновить его с ним, Женькой, в цирк с «блядскими клоунами», а тут пошёл дождь...

Бабушка так долго рассказывала о значении этих и множества других подобных слов с серьёзно-смущённым видом, ежеминутно поправляя очки, что Женька чуть не уснул.

В тёти Анином исполнении они были весёлыми, задорными, избавляющими от злости и поднимающими настроение. В бабушкином же – напоминали дохлую лягушку, распятую на столе препаратора для детального изучения. Согласитесь, одно дело – гонять резиновым сапожком под мелким тёплым дождичком по грибному, вкусно пахнущему лесу живых лягушек среди прелой фигурной листвы, и совсем другое – ковыряться в мёртвых её клоаках. Бабушкина алгебра убила всю гармонию тёти Аниных идиом, и Женька утратил к ним всякий интерес, выяснив для себя, что талант материться, как и любой другой, кому-то дан, а кому-то нет. Можно изучить все движения, но так и не постичь магию танца, а иной лишь шевельнётся, и ты понимаешь: танцует. Тёте Ане – дано. Бабушке – нет. А ему, Женьке, пока просто нельзя.

– Почему?

– Потому что ты ещё маленький, – ответила бабушка. – Вот вырастешь – матерись на здоровье, только не злоупотребляй. Это как спиртное – чуть-чуть для аппетита, настроения и лёгкости – можно. Чуть больше своей дозы перебрал – и самому плохо, и другим праздник испортишь.

– А тётя Аня?

– У тёти Ани такой организм – повышенная толерантность к спиртному, мату и вообще к жизни.

– Повышенная кто?

– Повышенная «что». Сопrotивляемость. Тётя Аня – она из тех, кто коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт и рублём подарит. Ты ещё даже не понимаешь, как должен быть благодарен судьбе за то, что она свела тебя с таким человеком, как Анна, в самом начале пути. Всё. Иди, Женечка, пей молоко и спать.

Потом его внимание стали привлекать девушки, и всё та же тётя Аня провела с ним разъяснительную беседу на предмет «гондонов».

Мама Леночка стеснялась, невнятно шепча «резиновое изделие» и одними губами скоро проговаривая «презерватив». Тётя Аня сказала, что не столько из-за него важна эта беседа «о безопасной ебле», потому что и гонорея, и сифилис нынче лечатся, а из-за той дурочки, которой он, Женька, каким-то образом может «поломать жизнь, обрюхатив». Хотя во времена этой памятной беседы девушки его интересовали исключительно удивительным спектром вызываемых эмоций – от желания написать Галке из параллельного класса, чья фамилия уже давно забылась к настоящему времени, поэму о любви до твёрдого намерения умереть на пороге соседки-студентки, доказав, что и юность способна на решительные действия, а не только её старики-однокурсники.

Женька закончил десять классов, получив более чем заслуженную медаль. Он был не очень хорош в точных науках, но внимателен, усидчив. Биологию любил, потому что она вызывала живой интерес его пытливого исследовательского ума, да и учительница была куда менее отвратной, чем безумная алгебраичка.

Химия шла «на ура», он даже выиграл целый ряд районных, городских и областных олимпиад. Но сердце его было отдано литературе, хотя писал он, надо признать, иногда с ошибками. Не потому, что не помнил правил, а потому, что считал вернее так, как он, Женька, чувствует. Но закон суров, потому с системой Женя Иванов не спорил – получал свои пятёрки, отрываясь в невидимых Миру Красных Ручек блокнотах.

На торжественном вручении медали тётя Аня рыдала в голос. Бабушка и мама Леночка хранили сдержанное горделивое молчание. Слегка пригубив шампанского на выпускном, они

покинули кафе, справедливо полагая, что мальчик уже имеет право на первую самостоятельную ночь вне дома.

Они – бабушка и мама Леночка. Но не тётя Аня. Сварливой тенью таскалась она за выпускником всю ночь, умудрившись проникнуть даже на теплоход и выпить там по стакану водки с суровым небритым мужиком из команды.

– Взрослый уже, вишь? – утирая слезу, сказала она рыцарю в тельняшке.

– Сын? – понимающе уточнил он.

– Он самый... – кивнула тётя Аня и зарыдала в голос.

– Чего ревёшь? Радоваться надо. Подумаешь, мужика нет. – Как любой представитель племени яйценосных, он моментально вычислил морганатический статус тётя Ани. Вернее – отсутствие такового. – Зато сын, красавец.

– Золотой медали-и-и-ист! – всхлипывала Анна, размазывая дорогостоящую тушь по дефицитному тональному крему. – А ты, тоже мне, Гоша, он же Гога! Если у меня кольца нет, это ещё ничего не зна-а-а-чит...

– Кольцо здесь ни при чём! – строго сказал мужчина и разлил ещё. – И базар баталовский об оценивающих взглядах – херня. Не оценивающий взгляд у вас, одиночек, а неприкаянный. Как у бездомных сук. Тут кусок ухватила, там подали... Уже удача. Баба при хорошем мужике – она по-другому на мир смотрит. Да и за сыном в ночь сама не побредёт. У неё по ночам другие интересы.

– Специалист хренов. Развелось вас, специалистов, а мужики куда-то пропали, – зло огрызнулась Анна.

– И то правда! – примирительно сказал кадр в тельняшке, погладив Анну по радужной щеке и задумчиво покрутив жёлтенький кружок на безымянном пальце правой руки. – Ну, давай, мать, за твоего сына. А я работать пошёл от греха подальше. Всех бездомных собак не пожалеешь. И я тут вроде как на службе всё-таки.

Бабушка и мама Леночка не особо вмешивались в выбор Женькой профессии, справедливо полагая, что любой диплом, подтверждающий высшее образование, – хорошо. Тётя Аня ненадолго отъехала в командировку по своим хлебным технологическим делам, а вернувшись, узнала, что медалист отнёс документы в Литературный институт.

– Охуел? – выдохнула тётя Аня. – И кто ты будешь после этого? – брезгливо поинтересовалась она. – Писатель? Писатель – это жизненный опыт, а не диплом. Писатель – это истекающее кровью сердце, а не правила правописания. Писатель – это душа, а не запись в трудовой. Писатель – это не штаны на стуле просиживать. А мужик – это ремесло. Понял, дубина?!

Долго ещё в кухне витал запах бабушкиной валерианы, мамы Леночкиного вина и тётя Аниной водки. А на следующий день Женька забрал документы из одной приёмной комиссии и за руку с тётей Аней отнёс их в другую. Где последняя устроила скандал, требуя срочно сообщить ей, где тут обучают конкретно на акушеров-гинекологов.

Выяснилось, что конкретно на акушеров-гинекологов здесь не обучают и вообще выбор невелик – мизерное количество факультетов, в отличие от того же технологического пищевого, который тётя Аня закончила очень даже заочно.

– А понтов-то, а понтов! – возмущалась она позже, после того, как, получив пятёрку по профилирующей в том году химии, Женька стал студентом самого престижного медицинского вуза столицы. Возмущалась, втайне гордясь. Конкурс был, надо признать, огромный. Видимо, Евгений Иванов попал в тот самый сакральный люфт, оставленный Господом нашим Всемогущим для действительно талантливых и достойных, позволив ему сразу после школьной скамьи влиться в стройные ряды академическо-профессорских детей, небольшого процента целевого набора и прочих, не поддающихся учёту, разнообразных блатных. Парень он был разумный и, немного поразмыслив, пришёл к выводу, что тётя Аня права. Особенно после

того, как бабушка и мама Леночка выставили в первые ряды книжных шкафов тома Булгакова, Вересаева, Чехова и даже журналы «Юность» с романом Аксёнова «Остров Крым».

Учиться было интересно. Работать – ещё интереснее. Мир щедро подкидывал типажи, характеры, ситуации и эмоции. За время учёбы у Женьки случилась пара-тройка романов, так ничем и не закончившихся. Не из-за поджатых губ бабушки и мамы Леночки. Не из-за громогласных ехидных замечаний тёти Ани. Его увлекала плоть, но ни разу никто всерьёз не ранил его душу. Так он и пришёл к своему диплому и распределению – вот тут уже тётя Анна подсуежилась и разыскала подходы конкретно к акушерству и гинекологии – холостым, подающим надежды красивым молодым мужчиной, с одной-единственной публикацией в той же «Юности». Сидящим ныне с ручкой и блокнотом в пустынном обсервационном родзале за слегка обшарпанным письменным столом – одним из двух в простенке между «Операционной» и «Родзалом № 1».

* * *

– Интерн, тебе что, спать негде? – Из предродовой вышла Рыба, прищурившись на свет. – Могу изолятор открыть. Там сейчас, правда, прохладно, но мы тебе два одеяла дадим. Есть возможность спать – спи.

В родзал ворвался Бойцов:

– На том свете отоспимся!

Естественно, он вошёл. Но Женьке показалось – ворвался. Игорь Анатольевич был стремителен. В одной пижаме, без халата, и почему-то это придавало ему несколько комично-воинственный вид.

– Наверх уже позвонили, сейчас спустятся. Разворачиваемся. Отслойка «с улицы» поступила. Давай-давай, Рыба, не прикидывайся глухой, буди девок.

«Девки» уже вышли из предродовой.

– Кофе сделать, Игорь Анатольевич? – услужливо спросила санитарка.

– Ага. И дежурного разбуди. Интерн, третьим будешь? – Бойцов загоготал, довольный своей сомнительной шуткой. – Мылся хоть раз-то? – Игорь напустил на себя деловито-заботливый вид опытного гувернёра.

– Да я во время учёбы, Игорь Анатольевич, работал.

– Ну, тогда разберёшься, раз такой грамотный. Переодевайся и мойся.

Честно говоря, Женька был несколько ошарашен собственной растерянностью и неуместностью. «Если со мной такое, то что же с теми, кто только что “из-за парты”?» Дух и буква операционной были ему привычны, но везде свои особенности. Он не ожидал, что акушерские операции столь кровавы – даже ампутации имели выражено меньшую кровопотерю. Сперва всё было быстро – Боня сделал разрез, первый ассистент промокнул. Вслед за кожей были анатомически грамотно рассечены подкожная жировая клетчатка, коей у пациентки оказалось немало. Затем – дряблый апоневроз²⁰. Разведены синюшные отёкшие мышцы. Отслоена брюшина²¹. И... И дальше Женька перестал соображать, слыша лишь Бонины окрики:

– Ты что, висишь на зеркале?! Не можешь помочь, не мешай!.. Лапы вон из раны!.. Саша, сделай что-то с кишечником, я не могу работать!.. Сергей Николаевич, завяжите уже наконец-то узел, вашу мать!.. На трупах тренироваться надо, а не на живых людях!..

²⁰ *Апоневроз* (от греч. *aponeurosis*) – широкая соединительная тканная пластинка, состоящая из коллагеновых и эластичных волокон. Этой пластинкой мышцы прикрепляются к костям или другим тканям тела.

²¹ *Брюшина* (*peritoneum*) – тонкая полупрозрачная оболочка с гладкой блестящей поверхностью, выстилающая изнутри стенки брюшной полости и покрывающая расположенные в ней органы.

Нет, Женьке не было плохо. Он отлично себя чувствовал. Просто он не понимал, что происходит в ране. Огромное бордовое с надутыми венами – матка. Это понятно. Боня сделал скальпелем крохотный надрез на этом и сосискообразными пальцами растянул его. В образовавшуюся дыру надулся радужный пузырь, похожий на тот, что Женька наблюдал в семилетнем возрасте, когда оказался в непосредственной близости от рожающей козы.

Бабушка и мама Лена отвезли его в деревню «на поправку». Где были они – он не помнил, а хозяйка крутилась во дворе. Женька пошёл угостить козу горбушкой, ему нравилось, как аккуратно брала пузатая беленькая козочка с развесистыми смешными ушками своими розовыми бархатными губами лакомство и как потешно хрумкала. Но сегодня коза была не в духе – она прилегла отдохнуть. А Женька сильно испугался – не столько самого радужного пузыря, что шевелился рядом с козой, сколько воплей вернувшейся хозяйки: «Рубашку надо порвать! Коза – дура молодая, первый раз рожает!» Какую рубашку надо порвать и почему, Женька не понял, потому что сам был совсем без рубашки.

Он убежал и долго плакал под старой яблоней. Ему показалось, что коза умирает и некому будет больше подавать на доверчиво раскрытой ладошке вкусно пахнущую горбушку, никто не прикоснётся так бархатно-шершаво, так нежно к коже, не пошевелит больше забавными ушками и не будет больше задирать его рожками, приглашая к игрушечной битве. Утрата была так горька, что, казалось, умри сейчас бабушка, мама Леночка и тётя Аня, вместе взятые, исчезни весь мир – ничто не будет так ужасно, как смерть этой недавно знакомой ему козы. «Чего сырость разводишь?!» – нашла его хозяйка. «Она умерла?» – размазывая соплю голой рукой, спросил Женька срывающимся голосочком. «Она родила. Козы от этого редко умирают! – засмеялась та. – Пошли, козлят покажу».

Женька не смотрел на козлят. Он смотрел на козу. Ему показалось, что она счастлива, хотя и выглядит немного усталой. «А в прошлом году у Савельевны коза так мучилась, что ветеринара пришлось звать. Не сама Савельевна, конечно. Дачники на машину сели и привезли. Стала бы Савельевна к козе ветеринара звать. У неё этих коз семнадцать голов. А ветеринар-то по кошечкам и собачкам оказался – курам на смех. Тогда Савельевна уже сама за кузнецом сгоняла. Тот у нас и по лошадям, и по коровам, и по свиньям специалист, дай Бог ему здоровья...»

Лето оказалось насыщенным, и Женька причастился таинств не только козьих родов, но и превращения жеребца в мерина. С мамой Леночкой и бабушкой он такими тайнами не делился, интуитивно чувствуя, что не поймут и не одобряют. А вот с тётей Аней – другое дело. Та с удовольствием сходилась с Женькой на конюшню и даже выпила водки с кузнецом.

– Вот это да! Вот это я понимаю! – Тётка Анна застыла поодаль от коня, остановившегося справить малую нужду.

– Что? Что ты понимаешь?! – Женька подёргал её за рукав.

– Что размер имеет значение. Не слушай меня, Женька. Я ведь в деревне выросла. Так. Ностальгия по чистоте.

Женька удивился слову «чистота», потому что, признаться честно, грязь кругом была по колено. Но если тётя Аня впадала в свою особого рода задумчивость, что случалось крайне редко, лучше её было не тревожить. От кузнеца она вернулась под утро. И Женька потихонечку подслушивал, как она говорила маме Леночке:

– Отличный мужик. Пьёт умеренно. Вдовец. Двое детей. Жена вторыми родами умерла. Да только ни я сюда не поеду, ни он в город не переберётся. Мне здесь делать нечего, а ему – там. Да и чужие дети...

– Может, это как раз самое лучшее для тебя, – тихо бубнила мама Лена. – Детей у тебя быть не может, а в городе ты что-то счастья так и не нашла.

– А мне и не надо детей. Одна морока с этими детьми. Бессонные ночи, сопли, ветрянки, а потом поминай как звали. Да и к туалету я привыкла тёплому, уютному, надраенному... Чёрт бы меня подрал, дуру ненормальную!..

– Зеркало!!! Высокий класс!

Первый вопль относился к нему, Женьке. Одновременно с воплем Женькина рука вместе с надлобковым зеркалом была вынута из раны первым ассистентом Сергеем Николаевичем. Подхалимаж же предназначался Бойцову, так чётко вскрывшему матку.

Серёжа Чуприненков всего тремя курсами старше Женьки. Ныне – ординатор observationalного отделения. Не успел он докадить фимиам, как у Игоря Анатольевича уже повисло на большой ладони что-то, похожее на лишённую рефлексов лягушку – только синее и с большой головой гуманоида, какими родит их фантазия голливудских бутафоров.

– Зажимы. Режь. Забирайте.

Вторая родзальная акушерка уже стояла с пелёнкой позади хирурга. И начавшая булькать «лягушка» с болтающимся на скользком канате пуповины мягким зажимом была передана на столик неонатолога.

– Ну что? – поинтересовался Боня, не переставая священнодействовать в ране.

– Нормально, – спокойно ответил «младенческий» доктор.

«Лягушка» пару раз побулькала, поскрипела и исторгла оглушающий рёв. Так, по крайней мере, показалось Женьке. Она розовела на глазах, издавая басистый возмущённый обиженный визг.

– Углы.

Операционная сестра подала Бойцову иглодержатель.

– Что-то у нас сегодня только девочки рождаются.

– Ещё не утро, ещё не утро, Игорь Анатольевич, – усмехнулся неонатолог, закончив жужжать отсосом.

– Куда его, в реанимацию?

– Да нет, на этаж. Нечего ему в реанимации делать.

– Не спи, интерн. Серёжа, вставь зеркало, бога ради, а? Ты, интерн, на будущее вначале смотри, если ни разу не был. А потом уже мойся.

Женьке стало неловко.

– Ладно-ладно, не грусти. И всё будет расти. Я сейчас матку ушью и пойду, а вы с Сержем закончите. Раскрытия не было. – Он нырнул рукой куда-то внутрь женщины. Вынырнув, снял и скомандовал: – Перчатку!

Операционная сестра подала стерильную перчатку.

– Кюретку²². – Быстрыми привычными движениями Бойцов извлёк металлической заточенной ложкой с дыркой скребущие звуки изнутри опавшего плодовместилища. – Чисто. Шьём матку.

Со дна раны поднималась тёмная кровь сразу же после очередного промокания марлевой салфеткой.

– Интерн, не протирай, промокай. И салфетки экономь. Размахнулся... Александр Николаевич! Мне в рану лезет кишечник, вы что, наркоз давать разучились или миорелаксанты экономите?!

– Игорь, не ори! Уже ввели.

– Гемодинамика?

²² *Кюретка* – хирургический инструмент с рабочим органом в виде острой или тупой металлической петли. В акушерстве и гинекологии применяются кюретки с насечкой на внутренней поверхности, режущей кромкой и круговым бортиком. Также имеет стержень и рукоятку.

– Стабильная.

– Так, вроде сухо. Серёжа, твою мать! Не затягивай намертво, ткани рыхлые, что, не видишь? Прорезается же!

– Извините, Игорь Анатольевич.

– В морге извиняться будешь! – И медсестре: – Дай ещё длинную²³.

После ушивания матки Бойцов стал спокойнее и за перитонизацией даже рассказал какой-то пошлый анекдот, над которым слишком усердно хихикал первый ассистент.

– Ну всё, орлы. Я пошёл. Дошивайте. – Игорь Анатольевич, шумно вздохнув, отошёл от стола, нарочито громко чавкнул снимаемыми перчатками, покричал: – Санитарка! Санитарка!!!

Хотя та уже давно суетилась, ожидая команды развязать халат. И, напевая, вышел из операционной. Сергей Николаевич перешёл на место хирурга и оторвался на Женьке, недавнем собутыльнике, по полной. И руки у Женьки «из жопы росли», и крючок Фарабефа²⁴ он держал не так, и стоял не там, и, судя по всему, дышал тоже криво.

– Что, Серж, лютуешь? Отрываешься на коллеге? На боевом, можно сказать, товарище? Ай, нехорошо. Давно ли сам-то, а? – засунул свой вездесущий нос в дверь операционной уже со стороны анестезиолога освежённый душем Игорь Анатольевич. – Ничего, ничего, Евгения Ивановича Пётр Александрович быстренько выучит, и господин Иванов тебе покажет, у кого тут руки под пиписку заточены.

Стравливать людей было любимой забавой Бойцова. Кто-то на это вёлся со всей страстью и пылкостью, кто-то изначально был мудрее и не поддавался на его подколки. Женька «по жизни» был из вторых.

– Пойдём, покурим? – спросил Женька Сергея Николаевича после того, как всё было ушито, клеевая повязка наклеена, моча выпущена катетером, определена «на глаз» – по количеству валяющихся на полу окровавленных салфеток²⁵ – кровопотеря, влагалище обработано и всей бригаде сказано традиционное «Спасибо!».

– Я бросил! – хмуро кинул тот. – Да и ты не курить скачи, а протокол пиши. Умешь?

Да. Более опытные Некопаев и Бойцов – заведующие и врачи высших квалификационных категорий – были куда любезнее вчерашнего приятеля Чуприненкова, обычного ординатора, неокатегоренного пока вовсе. Чем меньше шавка, тем громче лает. А при удобном случае – и кусает.

– Пусть парень идёт покурит! – проорал из манипуляционной родзала всё реферирующий Бойцов. – Не шакальничай, Сергей Николаевич. Тут ещё девочка поступает, ему писать – не переписать, смотреть – не пересмотреть. Так что пусть обникотинит мозг. А ты спать иди. Историю я ему сам продиктую.

Кинув на Женьку неприязненный взгляд, Сергей Николаевич покинул родзал.

– Рыба! Сделай Игорьку кофе! – Он иногда любил говорить о себе игриво-нежно в третьем лице.

– Сейчас, Игорь Анатольевич.

* * *

Игорь Анатольевич родился с серебряной ложечкой во рту. Правда, вслед за ним спустя пару минут родился его брат и рефлекторно цепкими младенческими пальчиками вырвал

²³ Имеется в виду нить шовного материала.

²⁴ *Крючок Фарабефа* – хирургический инструмент для расширения раны с согнутыми под прямым углом закруглёнными рабочими концами.

²⁵ Их положено взвешивать, но хирурги знают, сколько впитывает салфетка.

у брата-двойняшки из не вовремя раскрытой в громком оре пасти полудрагоценный чайный прибор. Молча.

Это и определило дальнейшее развитие событий – всю жизнь вырывать одну-единственную серебряную ложку друг у друга, не замечая остальных одиннадцати из полновесного набора.

Игорь считался мальчиком обыкновенным. И здоровым.

Олег полагался детёнышем неординарным. И больным.

Вероятно, потому, что Игорь, по мнению отца и матери:

а) во время беременности потреблял в одну харю весь положенный на двоих кислород и прочие питательные вещества, высасываемые с помощью шланга-пуповины из материнского организма;

б) гадёныш, и «шлангом»-то обзавёлся потолще и подлиннее, не то что нежадный Оленёнок, Олешечка, тонкая пуповинка, мамкина кровинка;

в) тварь розовая, жирная, лёгкие расправившая, что тот орёл крылья, пинал перед «вылетом» ногами, руками и здоровенной крепкой головой чудо синее, гипотрофичное, парный орган свой запоздалым писком лишь воробьиным пером в осенний дождь раструсившее;

г, д, е, ж, з и прочие буквы всех алфавитов, включая рунический, – на откуп читательской фантазии.

А уж если принять во внимание тот факт, что и спал Игорёк крепче, и ел аппетитнее, то счастливым его обеспеченное детство не поднимется язык назвать даже у самого законченного детоненавистника.

Олега нельзя было обижать. Поэтому Игорь обижал его беспрестанно. Олег имел узаконенные родителями «первины» на любую игрушку. Даже на ту, что дарили Игорю. Поэтому Игорь ломал даже те, что дарили Олегу. Игорю вменялось в обязанность защищать Олега от нападок школьных товарищей. Поэтому Игорь с иезуитской хитростью поводы для этих нападков создавал. Олег хотел быть акушером-гинекологом, но два акушерства на одну пусть даже известную в министерских кругах фамилию не полагалось. Поэтому Олег пошёл в патологоанатомы. Игорь же, будучи фанатом романа Артура Хейли «Окончательный диагноз», подался в «повитухи», сохранив в душе трепетное поклонение к упокоенным тем или иным способом телам. Олег хотел жениться на Ольге, поэтому в ЗАГС она отправилась с Игорем.

Чего греха таить, Олег по общепринятым ГОСТам морали и нравственности со всех сторон был пострадавшей стороной. Ни один ОТК²⁶ не пустил бы Игоря в круг порядочных людей.

А между тем парнем он был неплохим. Просто не всем выдают мудрости Соломоновой сразу в отрочестве. Игорь, как все «неплохие», был обидчив и раним. Олег же, как все «нехорошие», был хитёр и в совершенстве владел техникой подковёрных манипуляций.

Отец же их – Анатолий, окончательно осознав к четвертьвековому юбилею сыновей, к чему привело благонамеренное воспитание «сильного» в любви к «слабому», а «слабого» – в любви к самому себе и твёрдой уверенности, что весь мир ему должен, скончался от обширнейшего повторного инфаркта аккурат под окончание банкета, в ознаменование которого братцы устроили феерическую безобразную до первой... ой, нет, второй... до множественных взаимных гематом драку.

Надо сказать, что грех, с коим он отлетел, был весьма тяжким. Мальчишки-то – в плане здоровья физиологического – сравнялись годам к двум до абсолютной неузнаваемости, хотя были именно двойняшками, а не однойцовыми близнецами. Не в том смысле, что у них было по одному яичку в мошонке, а в том, как это трактуется эмбриологами-гистологами. У них было не только по должному количеству тех самых парных органов, которые вовремя опусти-

²⁶ Отдел технического контроля.

лись в совершенно разные – собственные для каждого – мошонки. Но они были абсолютными психологическими антиподами.

Мама с папой этого так и не поняли. А ведь ещё на этапе внутриутробного развития они как можно сильнее изолировались друг от друга – у каждого будущего Анатолевича был свой «кафтан» в виде плодного пузыря, своя плацента и своя пуповина – кого уж на какие угораздило. Акушеры называют это на своём таинственном латинизированном, недоступном плебсу сленге «бихориальной биамниотической двойней». Что в переводе на русский кармический означает: «Была у лисы избушка ледяная, а у зайца – лубяная». И этих совершенно поразному принятых и, по всей вероятности, с совершенно разными целями и задачами – если перейти на дорогой слуху современников язык офисных собеседований, призванных в мир пацанов родители попытались сблизить, навесив на «зайца» всю ответственность за несовершенство лисьей норы. Не заметив, что к двум годам – как и было сказано ранее – «зверушки» трансформировались в здоровые «волчьи головы» из разных стай. И все попытки заставить их насильно полюбить друг друга приводили лишь к усилению глухого рыка и пугающему щёлканью широко разверстых пастей при приближении одного к ареалу другого. Ох, а как жестоко они бились! Это были не детские драки, а разборки двух матёрых самцов-вожаков.

Родители – создания мрака. Родители – это не те, у кого есть дети. Родители – это особая каста спецназовцев-убийц. Убийц всего светлого, что есть в пришедшей в мир душе. Подразделение особо жестоких дрессировщиков, призванных сделать из бенгальского тигра послушного кусочку мяса и удару кнута пуделя. И тигр или смиряется, становясь злобной угнетённой собакой, готовой порвать, как только к нему повернёшься спиной, или сдыхает. Или... убегает из этого шапито ко всем чертям собачьим. Но у собачьих чертей несладко – миска не наполняется манной с хозяйских небес, кров и дом приходится искать самостоятельно, но что значат экзерсисы тела по сравнению со свободой духа? Оставим ненужные философствования, да и родители уже возмутились, мол, мы не такие. Да. Вы – не такие. Вы – друзья, а не дрессировщики. Жаль только, что вас так мало. Но будь друзей много, они бы утратили свою ценность, как утратят её алмазы, если весь существующий в недрах запас одновременно выбросить на потребительский рынок.

Но именно в этой непотребности родителей сокрыт главный смысл – выживут те, кто должен. И никак иначе.

Игорь и Олег не выжили. И не умерли. И не сбежали. Они подчинились. Став теми самыми покорными, но всегда готовыми при случае укусить, собако-тиграми.

Укусить друг друга. Укусить друга. Укусить врага. Укусить мир.

И побольнее. Желательно – вгрызться в яремную вену.

Но оставим невнятность изложения того, что подвластно лишь гению, на совести самого обыкновенного рассказчика и вернёмся к Игорю Анатолевичу и его земной истории.

После смерти папы Игорь и Олег вдруг поняли, что взрослым мужикам с нормальными парными органами в том месте, где это и положено, не пристало рубиться из-за детских обид, и они, тщательно пересчитав, переписав и пересыпав нафталином, запрятали их подальше в шкафы своих давно уже отдельных квартир и стали ходить в гости к осиротевшей маме. По очереди. Потому что мама, не вынеся из смерти отца и анамнеза отношений сыновей никаких уроков, по-прежнему полагала Олега слабым и несчастным, а Игоря – сильным и счастливым. Первый, хихикая про себя, этим пользовался. Второй, крепясь, старался этого не замечать.

А позже скончалась и мама.

Так и не дождавшись внуков.

Потому что Олег никого, кроме Ольги, так и не полюбил. Если он вообще был способен любить в общепринятом понимании этого слова, не говоря уже о библейской трактовке.

А Игорь стал отцом уже после того, как маму закопали в январскую мерзлую землю. Перед смертью она попросила его позаботиться об Олеге, сообщив, что родительская квартира

достаётся ему. – Игорь крепче сжал матушкину руку. – Ему. Олегу. – Костяшки на пальцах Игоря сравнялись цветом с кожным покровом мгновение тому обездушенного материнского тела.

Через неделю у Игоря родился мальчик. Слава богам, один-единственный. Ольга назвала его... Олегом.

Дальше рассказывать?

Ладно.

Через месяц Ольга Бойцова, прихватив Олега Игоревича, ушла в квартиру покойных родителей, ныне здравствующих Анатольевичей.

Которую ей совершенно бесплатно предоставил собственник.

Который не хотел с ней жить по причине «сына не от него».

«Который не мог перестать её любить, если вообще был способен любить в общепринятом понимании этого слова. Не говоря уже о библейской трактовке»:

Который не мог её не хотеть.

Который не мог её *не не* хотеть.

Не мог любить и не мог забыть.

Который, которого, за некоторых, через кое-что, и не для, а за ради и чтобы было...

Короче, «жить надо не для радости, а для совести». Невзирая на всю эфемерность этого понятия, а также причин, его вызывающих. Ха-ха. А вы говорите «мыльная опера...»

Это, скорее, солянокислая оперетта. Такую конструкцию не построит самый оскароносный Джек, потому что жизнь, в отличие от конструкций, не застывшая форма, прочеканенная пером, написанная маслом, вылепленная из глины и построенная из кирпичей. Жизнь – организм. И происходящие в ней процессы подобны живому току крови, биению сердца, дыхательным экскурсиям грудной клетки и гормональной секреции. И жизнь, бывает, болеет. Иногда – хронически.

Так что сейчас Игорь и Олег находились в состоянии беспрестанной борьбы и слезки за ненужной, если задуматься, им обоим игрушкой «Ольгой», поставляемой в комплекте с опцией «ребёнок» – обожаемым сыном Игоря (тест ДНК на отцовство прилагается), с общей на всех фамилией покойного Анатолия Бойцова, с ненавистным Игорю именем Олег (нотариально заверенная копия метрики на вечном приколе в портмоне Игоря Анатольевича, оригинал – у Ольги Бойцовой на руках).

И если разобраться толком, хорошо Игорю Бойцову было только на работе – в этом самом родильном доме этой самой многопрофильной больницы.

Он практически жил тут, лишь изредка выходя в мир не за Ольгой, а просто так. Самыми мучительными периодами были для него те недолгие временные отрезки, когда роддом закрывался на плановую помывку. Но и тогда он не мог совсем покинуть больницу – шёл дежурантом в отделение гинекологии, находившееся в главном корпусе.

Вполне возможно, что у стороннего наблюдателя уже слёзы брызнули из глаз и сердце кровью облилось, глядя на столь надрывные реалии жизни Игоря Бойцова. Не стоит. Пустое. Он был вполне счастлив. Как счастлива селёдка «под шубой» на праздничном столе – бесчувственностью, прикрытостью и востребованностью.

* * *

– Пиши: условия – живой плод, температура тела – тридцать шесть и шесть, безводный период – ноль часов. Комбинированный эндотрахеальный наркоз...²⁷

²⁷ Комбинированный эндотрахеальный наркоз (ЭТН) – наркоз, при котором используется дыхательная аппаратура и комбинация анестезиологических препаратов. Этот наркоз позволяет пациенту длительное время находиться в состоянии глубо-

– Игорь Анатольевич, а почему не под эпидуралкой?²⁸

– Ты мне писарь или привлечённый из санатория органов движения физиотерапевт-консультант следственного отдела прокуратуры? Или просто дурак? Какая эпидуралка при столь urgentной²⁹ ситуации? Ты пиши и запоминай. Потому как ты теперь почётный ординарец Петра Александровича. А почему комбинированный эндотрахеальный – в учебнике прочитаешь, если до сих пор не знаешь, умник... Комбинированный эндотрахеальный наркоз. Показания: преждевременная отслойка нормально расположенной плаценты, начавшаяся внутриутробная асфиксия³⁰ плода.

– А разве была асфиксия? Сердцебиение же было ритмичным, слегка приглушённым, но ритмичным. Так что была гипоксия³¹, а не асфиксия, если быть точным.

– И сколько бы оно ритмичным оставалось? Если быть точным, – передразнил он Женьку. – И как бы ты её лечил, профессор кислых шей? Какие бы мероприятия проводил на фоне выраженного кровотечения? Мне что тут, как трамвайному жлобу орать: «Выучили вас на свою голову»?!

Игорь был на удивление нехарактерно терпелив и благодушен. Дело в том, что у «уличной» отслойки оказалась вполне благодарная «домашняя» родня.

– Нет, если всё хорошо закончится, то, конечно, никто этой «гипоксии» и не заметит в сданной в архив истории родов. А если – нехорошо? Тогда тебя за эту твою правдивую гипоксию размажут по патологоанатомической конференции. В лучшем случае. А если у тебя написано: «начавшаяся внутриутробная асфиксия» – тут тебя ни один внутренний или привлечённый рецензент не съест. Потому как при гипоксии надо консервативно родоразрешать, «наблюдая в динамике», а при асфиксии – в операционную галопировать. А наблюдать в динамике, как умирает плод, за который я, как ответственный дежурный врач, несу тяжкую ношу дежурной ответственности, я не буду. Потому как заранее знаю, что будет через пятнадцать минут с этой текущей гипоксией. Асфиксия с ней будет. Начавшаяся. А начавшись, она уже не остановится. Как говорит твой новоприобретённый учитель Петруха: «Лучше перебдеть, чем недобдеть!» Особенно в очевидных случаях. Так что ты не умничай, а пиши. Молча. На чём я остановился?

– Начавшаяся внутриутробная асфиксия...

– ...плода. Ниже: внутреннее акушерское исследование номер один.

– А почему номер один? Вы же её в приёме посмотрели, а потом ещё на столе.

– Я Будда, я Будда, я скольжу... Евгений Иванович, сейчас я перетяну тебя чем-то тяжёлым по твоей кретинской голове. Какие вы все умные, пока ни за что не отвечаете.

– Я, правда, просто спросить.

– Я, правда, просто отвечу тебе. Лет через десять твоей личной акушерской практики. Но по букве пишем один раз. Потому что ровно столько раз имеем право смотреть в случае подобного диагноза. Руками «смотреть». Причём в условиях развёрнутой за ближайшим углом операционной. Пиши: наружные половые органы развиты правильно. После обработки наружных половых органов раствором хлоргексидина произведено внутреннее акушерское исследование с целью уточнения акушерской ситуации.

– Наружные половые, наружные половые... акушерской... акушерской?

– Достоевский, ты не сочинение пишешь!!! Потому что и исследование акушерское, и ситуация – акушерская, а органы и развиты, и обработаны наружные половые, писатель юный,

кой анестезии.

²⁸ Эпидуралка – эпидуральная анестезия – один из методов региональной анестезии, при котором растворы анестетиков вводятся в эпидуральное пространство. Пациентка в сознании. Дышит самостоятельно.

²⁹ Urgentная помощь – неотложная медицинская помощь.

³⁰ Асфиксия – удушье, прекращение пульса и дыхания.

³¹ Гипоксия – кислородное голодание, кислородная недостаточность, понижение содержания кислорода в тканях.

голова чугунная! Не издевайся надо мной! Рыба, он надо мной издевается!!! Сделайте мне кофе кто-нибудь!

Благодушие опытного и мудрого грозило смениться ядовитостью сарказма бывалого. Женька, отлично чувствующий градус перемен, решил заткнуться и писать. Кажется, его кустарное редакторство действительно неуместно.

– Влагалище рожавшей. Шейка матки длиной до трёх сантиметров, отклонена кзади. Цервикальный зев³² пропускает кончик пальца. Выделения – тёмные кровянистые, обильные. Костных экзостозов³³ в малом тазу не обнаружено. Предлежит головка. Ниже. Диагноз. Диагноз пишешь после каждого внутреннего акушерского исследования, делай их ты хоть раз в полчаса. Кстати, сколько раз ты должен делать внутреннее акушерское исследование?

– До излития околоплодных вод – раз в два часа. После излития – раз в час.

– Молодец. На практике же бывает по-разному. Потому, если вздумал лапы просто так запустить, пишешь что-нибудь вроде: «Роженица предъявляет жалобы на партию и правительство» и на что уж там она предъявляет. Да и вообще, лишний раз туда лезть не рекомендуется, не ведро. Не больше, но и не меньше. Понял? Дальше... Диагноз: беременность пятая. Роды – вторые. Отягощённый акушерско-гинекологический анамнез... Надеюсь, в курсе, если были аборт или воспалительные заболевания гениталий – акушерско-гинекологический анамнез априори отягощён. Чем больше факторов риска – тем глаже с тебя взятки. Впрочем, в нашей специальности надевай ночную рубашку, не надевай – по-любому сам знаешь что. И не пиши вот этого «ОАГА». Не аббревиатурь, летальные комиссии этого не любят. Полностью пиши. Не обследована. Преждевременная отслойка нормально расположенной плаценты. Ниже: решено *ex consilium*:³⁴ Родоразрешение путём операции кесарева сечения. Подпись: ответственный дежурный врач Бойцов И. А., дежурный врач отделения наблюдения Чуприненков С. Н., дежурный врач отделения физиологии Полякова М. С. – познакомишься ещё, и учишь ставить подписи на юридических документах – врач-интерн Иванов Е. И. Ниже: протокол операции. Ручонкой потряси, чтобы мышцы писучие расслабились и поехали... Теперь топаешь наверх, спрашиваешь у операционной сестры, в какой заднице у них находится протокол операций, и слово в слово, запятая в запятую переписываешь сие и туда. После чего носишься за мной, Чуприненковым и Поляковой, чтобы осигнатурили в тут и в там. Понял?

– Да, Игорь Анатольевич.

– А я пойду, посплю немного.

Женька покурил в гордом одиночестве предрассветного покоя ступенек приёма и отправился наверх исполнять.

Родильный дом был насыщен звуками. Приглушённо взывали механизмы лифтов. Шуршали по своим санитарно-неотложным делам беременные и родильницы, привычно громко «не могли уже» роженицы физиологического отделения. Нимало не смущаясь близости воплей, спал на кушетках средний и младший персонал едва упокоенного оперблока, из кабинета заведующего был слышен девичий смех и мерные звенья его удивительного голоса, плетущие цепь какого-то повествования. Женька присел за один из столов физиологического родзала – близнецов родзала наблюдационного. Такие же обшарпанные, со стопками толстых прошнурованных пропечатанных журналов и стопочками тоненьких историй родов. Раскрыл кондуит операционных протоколов. Историю открывать не стал. Чтобы слово в слово, запятую в запятую воспроизвести текст, ему не надо было переписывать с бумаги. Ему доставало диктовки памяти. Щёлкнул ручкой и...

³² *Цервикальный зев* – отверстие шейки матки.

³³ *Костные экзостозы* – разрастание костной ткани неопухолевого характера на поверхности кости.

³⁴ *Ex consilium* – решение принято совещательно (*лат.*).

– Привет! – сказал кто-то охрипшим от дремоты контральто и прикоснулся к его плечу.

... умер.

Может быть, Амур ранит в сердце, но Любовь убивает всего человека. Метко, мгновенно, безболезненно и наповал. Любовь сродни Смерти. Возможно, Смерть и Любовь – сёстры. Однойцовые близняшки, с неотличимым генотипом. А уж разность их фенотипов – лишь наши иллюзии. Ибо то, что мы знаем о Любви и Смерти, – всего лишь представления. Да и те привнесены тысячами писаний о судьбах тех, кто, бросаясь навстречу страсти, похоти или влюблённости, принимая их за Любовь, оказывался в объятиях другой сестры. Как может рассуждать о кутюр тот, кто носил лишь прет-а-порте? Тот, кто, рано или поздно узнав о Смерти, уже ничего не мог рассказать!

Оставим потужное словоблудие над Женькиным умершим от Любви телом и воспарившим от этой прекрасной Смерти духом. Кто сказал, что только люди рождаются, любят и умирают? И люди ли проделывают всё это? Кажется, к концу этого абзаца температура тела Евгения Ивановича сравнивается с температурой окружающей среды.

– Эй! Вы нам нужны живым! Разряд! Интерн? Я – Мария Сергеевна. Эпилептик, что ли? Абсанс?³⁵

– Нет, я не эпилептик. Я просто...

– Вышел из себя? – Она засмеялась, и Женька чуть было не скончался во второй раз.

– Да, немного. Но я уже вернулся. – Он запоздало подскочил со стула. – Женья. Евгений Иванович. Иванов. Врач-интерн. Первого года обучения.

В её прищуренных глазах носились бесенята.

– Пишу протокол. Не женат. Выходите за меня замуж.

– А вдруг я уже замужем?

– Это лишь незначительно усложнит алгоритм. Я предлагаю вам развестись, а после – сразу же выйти за меня замуж.

– И к тому же я старше вас... – она прищурилась, – года на три-четыре примерно.

– Время – категория относительная.

– Ладно. Согласна. С тем, что время – категория относительная, разумеется. Хочешь посмотреть роженицу? Пойдём. Успеешь написать свой протокол.

Если бы Мария Сергеевна предложила Женьке пойти посмотреть царство Аид, он бы поскакал туда карьерным галопом, не забыв прихватить ливерной колбаски для Цербера. На всякий случай. Всё-таки, кроме парящих над житейскими реалиями бабушки и мамы Леночки, его воспитывала предусмотрительная, связанная крепкой пуповиной со здравым смыслом тётя Аня. Подобного рода компиляция имеет свои безусловные плюсы в воспитании мужчин из юношей.

* * *

Мария Сергеевна Полякова. Редкой породы и необычайных талантов особь двадцати шести лет. Не так уж и много. А по меркам родзала – и вовсе пшик. В двадцать шесть, как правило, трепетно простаивают первым ассистентом, особого права голоса в принятии решений не имеют. Так – «подай-принеси», физиологическое родовспоможение (читай: «родоневмешательство») у дам с неотягощённым финансовым анамнезом. Судите сами: шесть лет института плюс два-три года интернатуры – уже двадцать шесть, поступи ты в семнадцать. Мария Сергеевна поступила в шестнадцать и была старше Евгения Ивановича всего на три года. А стаж самостоятельного врачевания имела в зелёной трудовой книжке всего 730 дней. Но каких!

³⁵ Абсанс (от франц. *absence*, буквально – отсутствие) – внезапное и кратковременное помрачение сознания.

Однако стоит начать издалека.

Машенька Полякова родилась самым обычным ребёнком. Кажется, в ту ночь в самом обыкновенном родзале самого обыкновенного роддома случился небывалый по тем временам «бэбибум» – пятнадцать родов за ночь. Смена валилась с ног. Какие там врачи, просто хватило бы рук! Были привлечены даже акушерки с этажа. Дамы рожали не только на рахмановках, но и на каталках, и даже на кроватях предродовых палат.

Машенька пришла в этот мир в «рубашке», то есть в том самом плодном пузыре, хотя мать её была не цыганкой, а самой обыкновенной учительницей математики.

Маша Полякова родилась обычным ребёнком, но напрочь отказалась громко вопить, попартизански сжав губы и, как уверяла в последующем дипломированная повитуха, нагло подмигнув. В ответ та шлепнула её по пяткам, и девочка огласила мир обиженным матерным контральто. Кстати, голос у Марии Сергеевны был... Ах, какой голос!

Мария не только обыкновенной родилась, но и росла самым обыкновенным ребёнком. Она оставалась такой и в пять, и в восемь, и в двенадцать.

И в двадцать шесть Мария Сергеевна оставалась самым обыкновенным ребёнком.

Вы всё ещё удивлены, что к двадцати шести годам она была не замужем? И часто вам встречались замужние дети?

Мужчины не признавались в этом. Потому что не понимали. Чувствовали что-то, но не понимали. А когда мужчина чувствует, но не понимает, – он боится. И они её боялись. Как боятся божества. Возносят молитвы, возжигают свечи, но... божеству не предлагают руку и сердце.

И это невзирая на то, что Машенька обладала абсолютно гипнотическим воздействием на мужчин любых возрастов с самого розового младенчества. У отъявленных холостяков проходили стигмы детобоязни, стоило им узреть этого коварного пупса. Её хотелось взять на руки, потискать, потетёшкать, приголубить и не отпускать уже никогда. Машенькиной маме приходилось в самом буквальном смысле слова вырывать своё басистое дитя из мужских объятий. Они припадали к ней, как Антей к Гее-Земле, – за некоей живительной силой. Самый ли ничемный очкарик – коллега Машенькиного папы, одноклассник ли старшего брата – взглянув на неё, становился мужественнее, красивее, элегантнее, умнее. Одно прикосновение к ней проявляло в нескладном подростке будущую харизму, в седом занудном пенсионере – прежнего любимца дам, в скандалисте – покладистость, в задире – спокойствие, в спорщике – мудрость. Магия была мимолётна – стоило уложить малютку обратно в коляску или кроватку, выпустить ладошку пятилетнего ангелочка на свободу или перестать смотреть в глаза двенадцатилетней нимфетке, как лошади опять превращались в мышей, кареты – в тыквы, а наследные принцы – в нищих инженеров.

К чести её, надо сказать, что она не пользовалась этим даром. А может, и не к чести – просто не осознавала. Принимала как данность, ни на мгновение не задумываясь, почему строптивый дед, числящийся чуть ли не в безумцах, ходил за ней, как преданный пёс за любимым хозяином. Принимала, не утруждая себя размышлениями, почему отношения с мальчиками одинаково приятельские – что с двоечниками-хулиганами, что с отличниками. Принимала, не обращая внимания на тот факт, что вся её группа, по иронии судьбы состоящая из одних мужиков, отслуживших в рядах Советской Армии, готова есть с рук вчерашней школьницы горькие пилюли ехидства, запивая хинной амброзией Машенькиной насмешливости.

Все они чувствовали себя с ней сильными, правильными, способными почти на всё, но... НЕ РАВНЫМИ! Да, как это ни странно. Хотя почему странно? Трудно почувствовать себя равным богине. Отсюда и «не замужем». Отсюда же и много прочего.

Что ещё? Канонически красивое лицо, идеальная фигура, отличная память, усидчивость, упорство. Голос с широчайшим диапазоном возможностей воздействия на окружающих. Обаяние и покладистый, большую часть времени, характер.

Распределение в акушерство и гинекологию исключительно благодаря заботе вышестоящих товарищей вроде заведующего кафедрой, которому она ни разу не «дала», несмотря на упорные слухи. А тут ещё мама-учительница и папа-инженер. Очень талантливая и очень красивая девочка, что называется, «пробивалась» сама.

Пётр Александрович в первых педагогах акушерства, нечеловеческим чутьём вычисливший её главный гений – врачебную интуицию и увлечённость. Остальное – дело техники. Коей он её за три года интернатуры натаскал, как натаскивают правильно рыть ямы сенбернара-спасателя. Да, выкопает каждый, но ты попробуй выкопай ТАМ, ГДЕ НУЖНО. Твой нос один на один с огромной заснеженной пустошью. Твой нос, твои глаза, твои уши, твои надпочечники и твоя душа. Не всем Господь отрезает столь щедрый ломоть поискового дара. Стоило ей лишь посмотреть на роженицу, поддержать её за руку в районе пульса или просто постоять рядом – она уже знала, будет ли всё хорошо, или в ближайшее время ситуация изменится не в лучшую сторону. Она не видела никаких «картинок» вроде голливудских «пророчеств» Николаса Кейджа. Мало того, если она пыталась хоть на миг сосредоточиться и, надув щёки, последовательно разведать продолжение пространственно-временного ощущения, – всё. Пиши – пропало.

– Не думай! – любил повторять ей Зильберман. – То, к чему я шёл десятилетиями, у тебя есть по факту рождения.

– Как же я могу не думать, если я смотрю, анализирую, прогнозирую?

– «Не думать» не значит «не знать». Знания приобретаются тупой зубрёжкой. Умение анализировать и прогнозировать – опытом. А «видеть» – талант смотреть на вещи изнутри – только для тех, кто родился сам, но часть его осталась там, в этом «внутри», – это от Бога. Так что не гневи Его глупостью своего думания.

– Да ну вас, Пётр Александрович, – отмахивалась она. – Вечно нагрузите мозг, а он у меня и так-то не очень здоровый.

– Здоровый. И один из самых совершенных, мне известных, а уж я людей немало на своём веку повидал.

Она неотлучно простояла при Зильбермане все три года. Уже на втором году интернатуры она самостоятельно дежурила по отделению обсервации, а по окончании была зачислена на должность ординатора отделения патологии беременности с фактическим правом принятия решений. Что для молодого врача, как правило, не только незаслуженная, но и непозволительная роскошь.

Дар, делая Марию Сергеевну Полякову успешной, не принёс ей только одного – того единственного, что действительно важно иметь, если уж ты пришла в этот мир животной особью на букву «с». А именно – счастья. Быть может, для кобеля важнее охота и служба – кого на что дрессировали, – а для суки высшее предназначение – счастье. Иначе она становится злой, старой и болезненной в области сердца и суставов. Пока у Маши ничего не болело, хотя злости по сравнению с детством добавилось, чего греха таить. Здоровой, спортивной злости. Но спорт, как общеизвестно, рано или поздно начинает калечить сердце и суставы. И без опоры на счастье подтачивает нормальную жизнедеятельность души.

То ли дело благополучие. Давно покинув отчий дом, Машенька неплохо для врача двадцати шести лет зарабатывала. Но за всеми этими сапогами, кофеварками, квартиро-машинами и прочей бижутерией комфорта, носом, глазами, ушами, надпочечниками и душой чужа, что единственно важное, что ей в этой огромной пустоши надо унюхать, увидеть, услышать и правильно откопать, – это ОН. Его не было. И поэтому пока это были они. Множество не её тел. Мимолётно преображаемых магией Машенькиного универсального дара.

И она получала от этого удовольствие.

Даже самые жадные были с ней щедры. Даже самые brutальные становились послушны и нежны.

В свою очередь, мучаясь несоответствием. Потому что не та женщина для не того мужчины не меньшее горе, чем не тот для не той. Просто вместо того, чтобы искать дальше, люди ломают изначально правильную гармоничную единую биологию создания «мужчина – женщина», в нетерпении пристраивая приглянувшиеся им «комплектующие» и ориентируясь, как правило, на брендовую упаковку, а не на биомеханические характеристики. Не говоря уже о высшей механике атомов и божественном электричестве.

Маша тоже пыталась. Но, видимо, была настолько штучной работой, что ломала «нефирменные детали», временно выходя из строя сама.

Как раз не так давно она выплыла из затяжного романа, похудев до костей от разочарования очередного непопадания и чуть было не постарев и окончательно не обозлившись от горя вечного несоответствия. Это была внезапная душераздирающая страсть – до тех пор у Машеньки всё было ровнее. Красивые ухаживания, приятные отношения и недолгое послевкусие увядших роз. Это же началось сразу, вылилось мутным водопадом и оставило после себя запах палёного мяса, хорошо знакомого по прижиганию сосудов или не такой, инвазированной чуждыми клетками, ткани шейки матки электрокоагулятором. Нет-нет, Машенькин дар подействовал и в этом случае. Она знала, чего ждать. Но порой уж лучше слишком яркий многомерно плоский Босх, чем серый пейзаж акварели.

Сказать, что Маша была жертвой в том безумном тандеме, значило бы – обмануть. Её изучали, но и она изучала. Она была экзотической птахой, но и он был необычным представителем мира полумифических носорогов и буйволов. Ему нравились изящные славянки породы ля рюс, но и её привлекали безумные татаро-монгольские парни. В общем, спустя два года бесконечной, скальпирующей душу химиотерапии они расстались. Оставив друг другу на память по выжженной пустыньке где-то в предгорьях извилин головного мозга и очажки заболоченности в прежде чистых реках сердечных камер. Он обнёс вновь созданную геологию высокими заборами и накрыл прочными саркофагами, поразвесив для пущей надежности таблички со значками радиоактивности и надписями: «Осторожно! Злая Маша Полякова! Опасно для жизни!» Она же, напротив, быстро погрузилась в пучины МЧС, полные красивых и не очень тел самцов, интересных и так себе характеров, решив, что душевный биогеоценоз восстановится сам собой.

А тут и очередная научная конференция приключилась. Надо сказать, что Мария Сергеевна, кроме лечебной работы, активно занималась и работой научной. Ещё с четвёртого курса. Тогда она активно помогала нынешнему академику, действительному члену, имеющему к тому же весьма светлую голову, – тогда всего лишь профессору, – собирать материал на тему биофизики гестозов. Ибо вся их биохимия уже была выучена и ловить там было нечего. А вот под биофизику кряжистый мэтр, скомкав кепку, лихо отвалил бюджетных средств, на славу побанкетничав с кем-то там из университета имени архангельского рыболова, светлая ему память. Рыболову, а не мэру. У последнего в тот момент не то родственница беременная была, не то правительственная программа, наказавшая усилить репродуктивное здоровье, – история умалчивает. Но поскольку профессора – биофизический и акушерско-гинекологический – давным-давно были соседями по дачам, так и тему совместную продвинули, чтобы быстрые разумом аспиранты поставляли бесперебойную качественную закуску во славу российской науки. А Маша была профессором профильным, замечена ещё во времена студенчества как дева исполнительная и сообразительная, да ещё и анамнезом в виде академических родителей не запачканная. Работать будет за идею и обещание «сразу после» защитить кандидатскую на собственноручно наработанном материале. Так что после пар приезжала студентка Полякова в этот самый родильный дом и, засучив рукава, набирала кровушку у тематических беременных, разливала по эппендорфам³⁶, центрифугировала, протоколы исследований записывала – в

³⁶ Эппендорф – коническая микроцентрифужная пробирка с крышкой, на 1,5 мл, из полипропилена.

общем, трудилась, не покладая рук и не поднимая головы. Уже в интернатуре годную кандидатскую написала. Осталось запланироваться, выждать минимально положенное ВАКом³⁷ время и защититься. А тут, вот ведь какая незадача, один министерский наследник возжаждал учёной степени по-быстрому. У профессора появилась новая машина. А у Марии Сергеевны – новая тема. Очень перспективная и очень новая для страны. Большая честь за большую совесть.

Маша начала сначала. Обматерив наедине всё тут же простившего уже академика. Кажется, они набрались тогда в помпезном, отремонтированном под новое звание кабинете и, обнявшись на манер пьяных матросов, вопили: «Снова за окнами белый день! День вызывает тебя на бой...» Академик пытался – двадцатый раз за время знакомства с Марией – расстегнуть ширинку, обещая золотые горы, но она в двадцатый же раз вежливо отказалась.

– В свете моей новой темы, Николай Валерьевич, я вам, предварительно не надев латексной перчатки, руки не подам!

– Да не расстраивайся, Мань! – эдаким сельским рубахой-парнем успокаивал её академик. – Херова та тема была, муйня в божьем доме все эти лазерные корреляционные спектроскопии в гестозах. Да и не гестозы они уже, а преэклампсии. Тебя бы ещё на предварительной завалили, у тебя же нет родителя в министерстве или ещё где.

– Ага. Я – сирота. У меня мама учитель, а папа – инженер. Сиротинушка. Как дальше жить на свете, даже не знаю!

– Мария, вот давай без сарказма! – строго сказал академик.

– Я не могу давать без сарказма, а вам, Николай Валерьевич, просто не могу давать. По факту немощи. Немощи вашей порядочности. Но буду справедлива – вы, кинув, хотя бы сочли необходимым пригласить меня на совместное распитие спиртных напитков, да и тему новую подкинули. Хотя я не пойму – в чём подвох, а?

– Ты, Мария Сергеевна, крайне проницательна для столь юной особы.

– Не надо грубой лести, мой дорогой учитель асимметрии³⁸. Это в очередной раз очевидно – бесплатный сыр бывает только для особенных мышей. Лабораторных. И рано или поздно за него приходится расплачиваться. – Она сделала страшные глаза и зловеще прошептала: – Кровью!

– Не-не-не! Кровью не надо. Всего делов – параллельно начмед планирует докторскую.

– Ясно. Мы пахали – я и трактор. Хотя трактором буду как раз я, как обычно. Ну что же, вкалывать на заместителя главного врача по акушерству и гинекологии приятнее, чем на ни разу в глаза мною не виденного сынка неведомо кого. За ваше новое авто, Николай Валерьевич.

– Вот ни с кем бы другим я бы такие беседы не вёл! Ты мне дорога...

– ...как память об утраченной эрекции.

– Да! Кстати... предложение всегда в силе.

– Дорогой академик, вы мне тоже дороги как человек, безразличный к моим скромным достоинствам, но нет, спасибо.

– Ну как знаешь. Но при таком раскладе всё для тебя было бы значительно быстрее.

– Верю. Но вера моя не настолько крепка. А что, вам уже надоела ваша текущая официальная любовница?..

В общем, беседа за бутылкой плавно подошла к концу.

Через пару месяцев Мария Сергеевна поступила в заочную аспирантуру и запланировала кандидатскую диссертацию на жутко актуальную для современного акушерства инфекционную тему.

³⁷ Высшая Аттестационная Комиссия.

³⁸ Намёк на роман «Учитель симметрии» (Э. Тайрд-Боффин в вольном переводе А. Битова). На самом деле никакого Тайрд-Боффина не существует – это «одноразовый» псевдоним Битова специально для этого цикла новелл.

Материала оказалось неожиданно много. Статьи она строчила с невероятной скоростью. Вид имела товарный, излагала связно и актёрского мастерства лишена не была. Командировки на всякого рода конференции и съезды ей щедро оплачивали фармацевтические фирмы, стоило академику лишь намекнуть. В общем и целом всё было не так уж плохо в жизни Марии Сергеевны, если бы не едва минувший двухлетний безумно-мутный, тягостно-безысходный, надрывный роман. Внезапно начавшийся, когда ничто не предвещало, и так же спонтанно оборвавшийся в одном милом ресторане. Она просто встала и вышла. Он не стал бежать следом, а лишь гадким взглядом смотрел в зеркало, перед которым она затягивала пояс своего белого пальто. Ни слова. Лишь трясина покрытого ряской тяжеловесной иронии взгляда.

В самый канун конференции.

Возможно, нормальная женщина должна была рыдать, выяснять отношения и, как любят писать в околоспсихологических пособиях для «чайников», разобраться в себе.

Маша решила разобраться в Виталике. Раз уж он подвернулся под руку на той самой конференции.

Подвернулся самым что ни на есть спасительным кругом под неосторожные руки Марии Сергеевны в тот самый момент, когда академик тонул в спиртном на банкете, решив во что бы то ни стало воспользоваться наконец правом первой конференционной ночи.

«Бывает иногда мужчина всех женщин безответный друг»³⁹.

Виталий Анатольевич, взращённый в самых интеллигентных московских традициях, не мог отказать даме в такой малости – спасительный танец и сопровождение до двери гостиничного номера. Тем более давно знакомой даме, приятной во всех отношениях, буквально – свету очей его в последние два года. Он лишь любовался, не посягая. Понимая, что ничем таким заинтересовать Машу он не может, да и жена, двое детей, тёща, жизнь удалась.

Он заприметил Машеньку, когда она носилась по отделению патологии со штативом, полным пробирок гестозной крови. И не он один. Её заприметили все. Даже чуждый женской красоте и плотским утехам Бойцов. Даже больничный завхоз и шофёр «скорой». И, естественно, Зильберман, под чьим белым шуршащим крылом она и провела всю интернатуру. Виталик же лишь наблюдал, довольствуясь совместными перекурами, редкими посиделками «по поводу» и её мимолётной заинтересованностью ультразвуковой диагностикой. Он частенько звал её в операционные ассистенты, отлучаясь, просил присматривать за своими беременными – обычные приятельские коллегиальные отношения.

– Спасибо, Виталик.

– Да не за что.

– За то, что проводил. Николай Валерьевич сегодня был настроен весьма решительно.

– Ну, это тебе он академик. А мне он не начальство.

– Да, но пакостей-то наделать может. Впрочем, он так набрался, что завтра и не вспомнит. Тем более его под белы ручки уже подхватила весьма аппетитная фармацевтическая фея в чёрном с голой спиной. Придётся ей потрудиться не за честь, а на совесть. – Маша хихикнула.

– Да уж. Стареющий джентльмен в состоянии тяжёлого подпития – это достойная задача даже для профессионалки.

– Так и будем на пороге туры на колёсах разводить? Заходи. Если у тебя, Некопаев, конечно же есть выпить.

– Обижает, Полякова! – Виталик достал из кармана пиджака бутылку виски. – Ноль семь.

– Ух ты! Доза настоящих Джеймс Бондов.

Они пили, курили, шутили и не заметили, как их застало утро. В койке.

³⁹ Стихотворение К. Симонова «Бывает иногда мужчина».

– Кажется, я трахнула боевого товарища. Как ты находишь это с нравственной, моральной, этической и прочих деонтологических точек зрения? Прикури мне сигарету.

– Так же прекрасно, как со всех остальных точек. Особенно зрения. – Виталик и прикурил, и быстро налил всё ещё хмельной Маше, боясь рассеивания колдовства на трезвеющую женскую голову. – И к тому же не совсем ты меня, как скабрёзно изволишь выразаться, трахнула. Я принимал весьма активное участие в процессе. В акте любви.

– Ой-ой-ой, да помню я твои телячьи нежности. Ты же вождеделел меня, как малолетка. Это было очень мило. Я уже отвыкла от вот этого «мило». Меня последнее время любили не на жизнь, а на смерть. – Она усмехнулась. – Изучали реакции диковинной зверушки. Кидали то сладкий нежный пряник, то обжигающий кнут и наблюдали из-под полуопущенных век. Знаешь, что в моём бывшем было самое страшное? Кстати, не кидай зря в ноосферу слово «любовь». Не взойдёт.

– Нет. Не знаю, что в твоём бывшем было самое страшное. Зря брошенное в ноосферу слово? – ехидно-мстительно проворчал Виталик.

– А чего ты обижаешься? – хмыкнула Маша. – Я совершаю смертельное преступление кодекса «мэ» и «жо» отношений: рассказываю любовнику последующему о любовнике предыдущем. Но ты же прекрасно понимаешь, что а) всё несколько иначе, потому что он был не любовником, а спицей Колеса Сансары; б) ты не являешься моим любовником, а то, что мы спьяну сделали, – лишь приятная опция, дополняющая нашу дружбу и коллегиальные отношения, случившаяся по факту отлучки из дому. Случка по отлучке. – Она захихикала. – Ну, прости, прости. И наконец, в) ты прекрасно знаешь, что я всё равно расскажу, что в том славном бывшем самое страшное.

– Это ты не понимаешь, что всё несколько иначе...

– Ой, только я тебя прошу! Сорокалетнему мужчине, не способному последние лет пятнадцать на страсть априори, отягощённому женой, тётцей, двумя детьми и совместно нажитым в браке нераспиливаемым майном, не пристало изображать пылко влюблённого после того, как он переспал с давно известной ему дамой.

– Твой наигранный цинизм неуместен, – надулся Виталик.

– Может, он и вправду наигран, но уж точно уместен, и ты это прекрасно знаешь, так что давай не будем переливать из пустого бесчувствия в порожнюю чувствительность и сразу определимся: или ты тотчас предлагаешь мне выйти за тебя замуж, или я тебе рассказываю страшную историю о моём последнем любовнике. Считаю до трёх... Молчишь? Реакция хреновая – детей больше не будет, а меня это не устраивает. Так что изволь слушать. – Она сама потянулась за пачкой сигарет и зажигалкой. Прикурила. Затянулась. – Ни для кого из вас, мои дорогие коллеги, не секрет, что последние два года некий тип намотал все мои кишки на мою же трепетную душу. Познакомились мы случайно, на некой дачной вечеринке, куда я пришла кристально трезвая в сопровождении одного кавалера и откуда удалилась, не помня себя от пульс-дозы спиртного, повиснув на мощной ручище кавалера другого. Наутро я не помнила, как его зовут, чем крайне развеселила и заинтересовала. Потому что он, как и любой другой мужчина, был неоригинален, полагая, что он вправе не помнить имя случайной сексуальной партнёрши, но уж его-то наименование, записанное ли в паспорте или же выдуманное на данный конкретный половой случай, должно врезаться в память женщины, как надпись «не прелюбодействуй» в Моисеевы скрижали. Если ты сейчас будешь честным, ты мне скажешь, что это так и есть. Вы же на самом деле считаете, что даже профессионалка помнит вас, как первого и единственного. Кстати, я помню первого. А ты помнишь первую?

– Помню. Не отвлекайся. Мне уже самому интересен «клинический разбор» данного случая.

– Посмертный эпикриз⁴⁰, я бы сказала. – Маша присела поудобнее, нимало не смущаясь своей наготы, которая немало смущала кровообращение Виталика. – То есть ты подтверждаешь тот факт, что любой из вас, будь он кривоног, неудачлив, ленив и прочее некондиционен, считает, что неотразим?

– Ну, я не кривоног, в меру удачлив и прочее кондиционен, так что в отношении себя я этот факт подтверждаю. – Виталик принял навязанный ею горько-ироничный тон беседы.

– Спасибо. Этого достаточно. Ты «надцатый» в этой группе обследования, что позволяет делать статистически достоверные выводы. Так вот, самое страшное в нём было то, как он на меня смотрел. В зеркало. Он никогда – никогда! – не смотрел мне в глаза, например. Даже самые случайные собеседники изредка поглядывают друг другу в глаза, как и предписано официальным протоколом межгуманоидных коммуникаций. А он – не смотрел. Наблюдая за мной втихую. Когда я не вижу. И вот однажды, когда я причёсывалась перед зеркалом, я почувствовала, что на меня обрушилось бетонное перекрытие. Вернее, не на меня, а на мою силу воли. У меня враз, прости за старорежимность, отяжелели все члены и как будто из телесной оболочки вырвали душу. Я посмотрела в зеркало, в его глаза, которые смотрели прямо мне в глаза. Не в мои собственные глаза, а в те мои глаза, что в зеркале. Путано?

Виталик кивнул. Он внезапно посерьёзnel, чувствуя, что это для неё важно – донести. Не до него. До себя.

– Это было какое-то тяжеловесное мутное безумие. Двое и зеркало. Три объекта. А между – мрачная бесконечность глаз, исполненных чудовищного ужаса, и глаз, чудовищным ужасом наполняющих. Исполненных и наполняющих. Исполненных, глядящих в наполняющие, и неуязвимых наполняющих, зрящих прямо в уязвимость исполненных. А между ними – зеркальная гладь. Прозрачная, призрачная, всего лишь стекло, покрытое амальгамой, и... непреодолимая, как... как... В мире людей нет такой непреодолимости. Если есть ад, то один из его интерьеров выглядит именно так.

Маша пыталась вернуться к исходному легкомысленному тону, но попытка была довольно жалкой. Она уткнулась Виталику в грудь и разрыдалась.

– Ну что ты! Прекрати! – Виталик неумело погладил её по голове.

Честно говоря, у него, несмотря на вполне зрелый возраст, не было опыта утешения плачущих женщин. А тут ещё казалось, что плачет вовсе не женщина, а маленькая девочка лет... лет шести-семи. Это ощущение было для него настолько новым, настолько неизведанным, что в этот момент он влюбился окончательно и бесповоротно в маленькую девочку Марию Сергеевну Полякову двадцати с лишним лет от роду. Он впервые ощутил себя мужчиной, несмотря на жену, двоих детей, крепкую задницу, удачу и прочую свою кондиционность.

В любом мужчине есть филогенетически прожитая, изначальная функция «защита», но мало кому обстоятельства позволяют её «родить» и выходить в полноценную сущность из зачаточного состояния.

У Виталика была безалаберная мама, которую защищал спокойный отец. У него была жена-алгоритм, которая в защите не нуждалась. У него была тёща-домовой, которая в одиночку, если бы того потребовали обстоятельства, могла бы противостоять всей монголо-татарской орде. И у него была дочь, которая, по большому счёту, была ему незнакома, как и сын, потому что всё, что было с ними связано, и в чём они, его дети, нуждались, полностью взяли на себя «алгоритм» и «домовой».

Все прочие женщины в жизни Виталика были родственницами, коллегами, недолгими любовницами, операционистками банков, продавщицами-консультантами, торговками с рынка, случайными попутчицами и гештальт защитника не возбуждали. Нет, и прежде случилось, кто-то рыдал у него на груди, но это вызывало лишь глухое раздражение, а тут... Всё то,

⁴⁰ Эпикриз (от греч. *epikrasis* – решение, определение) – заключение врача.

что случилось с ним в одно-единственное мгновение, не опишешь, как невозможно описать ужас зазеркальной вечности, несанкционированно проникшей в тёплые живые человеческие глаза. Детские глаза. Её глаза.

– Глаза – зеркало души? Какой идиот первый сказал эту ересь? Глаза – это возможность любому заглянуть в твою душу. Даже тому, кто с той стороны, понимаешь? С ТОЙ, другой, стороны. С той стороны, где вечная ненависть, вечный страх и вечный холод.

Она утёрла сопливый нос рукой – от локтя к запястью, – и этот, в любой другой ситуации, с любой другой женщиной, жест залил солнечное сплетение Виталика светом. Он обнял её и начал укачивать, как баюкают малых детей. Но она отстранилась и сказала:

– А давай-ка, друг любезный, принеси нам что-нибудь поесть, и конечно же выпить, и покурить. – И тут же: – Слушай, а ведь если есть вечная ненависть, вечный страх и вечный холод, то должны же быть где-то вечная любовь, вечная смелость и вечное тепло, а? Впрочем, не заморачивайся! Потому что я знаю, что они есть. Раньше – до эпизода вселенского ужаса – я полагала, что любовь – это сказки. А быть – это найти себе более-менее пристойного, как любят выражаться психологи, партнёра, наладить с ним, как любят выражаться они же, более-менее пристойные отношения, прости господи, и жить себе – не тужить. Но теперь, когда я знаю, насколько бесконечен минус, я точно так же знаю, насколько бесконечен плюс. Но я не хочу ни бездны, ни небес. Я хочу Ангела. Ангела уравновешивающего. Ибо что есть любовь, как не бесконечность равновесия?.. Любовь взаимная, разумеется.

Виталик не слушал её. Ему было неведомо хорошо. И ещё ему было неведомо, что он попал. Попал в тот самый казус, что называется любовью невзаимной и которая, увы, имеет место быть в этой Вселенной, как любая функция, любое слово, любой ужас и любое блаженство, выдуманное людьми. Ибо что в голове, то и на ладони... То есть «что на земле, то и на небесах», но «бойся своих желаний...» Пара фраз, парафраз, парафразеологизм... Жуть!

И он просто пошёл за едой и спиртным.

Они мило провели время, заседая на разных секциях и вместе со всеми осматривая достопримечательности конференционного города. Уютно болтая обо всём, но только не о том, что произошло, выпили в вагоне-ресторане и разошлись в разные стороны.

Мария Сергеевна вообще была перфекционисткой. И, правду говоря, в самых странных фантазиях не могла себе представить, что свяжется с женатым мужчиной дольше, чем того требуют или обещают случайные обстоятельства. Не потому, что женатый мужчина – чья-то собственность, а брать чужое нехорошо. Не потому, что женатый мужчина – это заведомо разделяемая с кем-то ещё постель, а она была брезглива. А потому, что женатый мужчина – это соперничество. А Машенька Полякова с самого раннего детства не переносила «духа соревнования». Она или была первой, или не участвовала в «забеге». Да, вот так, пожалуй, верно. Всегда была первой, не соревнуясь. Априори. Что на земле, что на небесах. Она знала это – и это была её проблема. Они не знали этого, но это были их проблемы.

Дома Маша разобрала сумку, отправив даже ни разу не надёванные вещи в стиральную машину. Приняла ванну, сварила кофе, посмотрела свой текущий любимый фильм «Франкенштейн» с Робертом Де Ниро под бокал коньяка и впервые за долгое время уснула сразу и спала без сновидений. Проход в Ад наконец-то закрылся. Стало тихо, темно и спокойно. Не хорошо и не плохо. Стало никак. И это было блаженством. Ибо всё, как известно, познаётся в сравнении.

– Свет мы заслужить ещё успеем, – шепнула она своему секретному плюшевому медведю. – А взаимной и вечной любви только по факту неосторожности воссоздания твоей души в телесной оболочке ещё никто не удостоился. Спи! – И она моментально покинула мир бодрствующих под зловещее экранное зарево, вознесшееся над голливудской декорацией Северного полюса.

Виталик же, хмуро поздоровавшись с домашними, сразу проследовал на кухню. Где, не снимая ботинок – вопиющее нарушение заведённого порядка! – долго пил кактусовый самогон, закусывая ванильными сушками тексты раннего «Аквариума». За плотно закрытой дверью маячила тень матери жены.

– Давно с ним такого не было, – прошипела она в ухо дочери на двадцатом повторе опуса «География». – Может, зайдёшь?

– Нашла дуру. Ты что, первый год его знаешь? – раздалось ответное шипение. – К утру перебесится. А если сейчас полезть...

– Спать, изоморфические тени! – рявкнул Виталик в сторону источников шипения. – «Людоед рисует пейзаж, примостившись в Лувре на ступенях».

Родственницы ещё пошаркали тапками немного и распозлились по норам, откуда после вздохов и скрипов, которые Виталик не слышал, раздалось мерное сопение жены и баритон тёщиного храпа, доносившиеся до него в паузах между треками.

Допив, Некопаев ещё долго смотрел на труп хорошо сохранившей цвет и форму гусеницы на дне бутылки, а затем вытряхнул её на тарелку, наколол на вилку, задумчиво прожевал и проглотил. В мегаполисе светало с индустриальным размахом. «Ни в какие ворота!» – проворчала во сне тёща. Он прикурил от предыдущей – и невнятно пропел в наступившей от нажатия кнопки тишине:

– «У раба никто отнять не сможет о свободе ветхую мечту».

Он был абсолютно законченно, мятежно и несчастливо пьян.

* * *

В роддоме наступало утро. Ни в окно, ни на часы смотреть было не надо. Этот организм оживал звуками. Стоны рожениц сменялись счастливыми ахами родильниц. Тихо работавший металл с отдохновенным стуком укладывался в мойку под щёточный массаж и струйный душ, чтобы потом отправиться на жаркий «курорт» стерилизации. С тихим шуршанием швабр родильных залов перекликались ожившие вёдра этажей. Удивительный, не объяснимый никакой научной организацией труда факт – санитаркам отделений достаются куда более голосистые швабры и вёдра, чем санитаркам родильных залов, операционных и реанимаций. Неведомая селекция инвентаря. Странная гармония музыкальных партий. Одинаковые по диапазону и мощи исполнители звучат совершенно по-разному в условиях одной и той же акустики. А тапки? Ни у кого так не шаркают тапки, как у санитарок отделений патологии беременности в предрассветный час. Точно такая же по характеристикам обувь служительниц палаты интенсивной терапии будет звучать на октаву ниже. Никакого fortissimo presto, исключительно piano lento. С тождественной по результативности тоникой.

Разбуженные какофонией гигиенических процедур родовспомогательного заведения, беременные и свежеиспечённые мамочки не одиночными особями-шатунами, а полноценными косяками потянутся по своим помывочно-прокладочным делам, по дороге приветствуя друг друга и персонал, делясь впечатлениями, задавая вопросы акушеркам и детским медсёстрам. Расстраиваясь и радуясь, требуя у телефона кефира, сгущёнки и памперсов.

– «Ожил родимый аквариум». Доброе утро. – Мария Сергеевна улыбнулась Женьке. – Они так и не прилегли. В физиологии было двое родов, а Женька ещё и вниз, в обсервацию успел. Врата в мир живых чаще распахиваются именно в эту часть ночи – время угонщиков.

– Это моё любимое время. Рассвет лучше заката. Трещина между мирами шире, и видно всё отчётливее, потому и риск провалиться в неё куда меньше. Тонкое время, – сказала Маша. Они сидели рядом за «спаренными» столиками в междверном проёме.

– Кажется, мы читали одни и те же книги.

– Мы же дети «гнилой интеллигенции». Иначе и быть не могло. Слушай, ты извини, Евгений Иванович, что я тебе сразу «тыкать» начала. Обычно я себе такого ни с кем не позволяю, особенно с интернами.

– Особенно с интернами, потому что баре холопам не тыкают?

– Балда ты, Евгений Иванович. Впрочем, ты прав. Снобизма мне не занимать, но я борюсь с ним.

С переменным успехом – когда я его, а когда и он меня. Просто иногда бывают люди, которым сразу говоришь «ты». Не потому, что моложе или не уважаешь, а потому, что кажется, что с детства знаком. Можешь смеяться, но когда я тебя увидела, у меня возникло такое чувство, как будто из детства. И хотя ты мне субординаторно выкаешь, я знаю, что у тебя точно такое же ощущение. Твоё предложение руки и сердца не в счёт, естественно. – Она улыбнулась. – Но ты какой-то сразу... очень родной, хотя это немного необычно. Возможно, это лишь твоя характерологическая особенность. Обаяние. Встречаются такие люди.

– Вы, Мария Сергеевна, слишком любите анализировать. И очень зря. А предлагал я совершенно серьёзно. И предложение в силе. С открытой датой.

– Люблю. Анализировать. Глушу дар, в который не верю. Вернее, пытаюсь разложить его на составляющие, а он не раскладывается.

– У меня в детстве была «блядская железная дорога». Вот она никак не складывалась. То, что не раскладывается, куда лучше того, что не складывается.

– Какая железная дорога? – переспросила Маша удивлённо. Крепкое словечко совсем не шло ему.

– У меня тётя Аня есть, я тебя познакомлю. С будущей роднёй принято знакомиться. Она тебе понравится и расскажет, что на свете много чего такого, как та железная дорога. – Женька засмеялся.

– Ну да, серьёзнее некуда. Уже с родственниками знакомит. Пришёл, увидел, полюбил. Так не бывает. – Она шутливо отмахнулась.

– Бывает. И ты это знаешь.

– Я, Евгений Иванович, уже давно ничего не знаю. Может, когда-то в детстве... В том параллельном детстве, где мы с тобой знакомы или даже породнены, я это и знала. Да только сильно подзабыла.

– Значит, надо всего лишь вспомнить. Знание, а не детство. Потому что что-то мне подсказывает, что твоё детство, Мария Сергеевна, не только не закончилось, но и не закончится никогда.

– Да-да-да. Уже зильбермановских присказок наслушался? «И это только начало!»

– От Петра Александровича я пока услышал только, что его слушать не стоит, особенно по ночам. – Женька улыбнулся.

– Ладно, милый, с детства знакомый интерн, это всё хорошо, но надо работать. Топай в свою обсервацию. Увидимся на утренней врачебной конференции. Рекомендую выпить кофе, потому что так называемые «пятиминутки» менее получаса длятся лишь в особенно неотложных ситуациях, что по утрам случается крайне редко. Акушерство – это крест ночной жизни. Что лично для меня, «жаворонка», порою невыносимо. А ты кто в смысле биоритмов?

– Абсолютная законченная «сова».

– Видишь? Значит, мы уже не подходим друг другу. Представляешь этот кошмар? Для меня шесть утра – это уже поздно, а для тебя одиннадцать – ещё рано. Нам будет слишком скучно вдвоём. Ну, пойду, приму душ и переоденусь. До встречи. – Она встала из-за стола.

– Постой. Это тебе. – Женька поднялся, вырвал из блокнота лист, сложил его вдвое и сунул ей в карман пижамы. – Прочтёшь под утренний кофе.

– Ладно, – сказала Мария Сергеевна и пошла в ординаторскую.

– Что-то подсказывает мне, что нам будет слишком всего. И единственное, чего в этом всём не будет, так это скуки, – тихонько сказал Женька ей вслед.

– Ну что? Уже влюбился? Оставь надежду всяк ей вслед смотрящий! Но ты не всякий. Доброе утро! – Зильберман вышел из кабинета в сопровождении юной девушки. – В Полякову все мужики влюбляются, а потом ненавидят. Все бабы ненавидят сразу. Правда, Аннушка?

Девушка утвердительно кивнула.

– Знакомься, Евгений Иванович, это Анна, вторая акушерка физиологического родзала и моя подопечная. Учю её всему. Но не тому, чему учю Полякову и буду учить тебя. Аннушке такие знания ни к чему, ибо в них печалей больше, чем ей требуется.

– Здравствуйте, Аня.

– Здравствуйте, Евгений Иванович! – послушно сказала юная акушерка и куда-то унеслась.

– Ну, как прошла первая дежурная ночь? Готов к новым свершениям?

– Отлично, Пётр Александрович. Всегда готов!

– Вот и молодец. Сразу после пятиминутки плановое кесарево. Здесь, наверно. Так что или завтракай сейчас, или раньше полудня не удастся.

– Хорошо, Пётр Александрович.

На пятиминутку Женька пришёл заранее и предусмотрительно сел в дальнем уголке. Он прекрасно знал, что здесь у каждого свои законные места, и стайку интернов, что заняли средние ряды, вежливо прогонят куда-нибудь. К тому же сегодня была пятница. А это означало, что на пятиминутке будут не только врачи, но и средний медицинский персонал. Так что кое-кому придётся и постоять.

Конференц-зал роддома был ему отлично знаком. Он находился на территории кафедры акушерства и гинекологии, и именно здесь Женькиному потоку читали лекции на четвёртом, пятом и шестом курсах. Ничего особенного, увы, он не запомнил. Лекции на теоретических кафедрах были куда интереснее, театральнее, исполнены истинного академического духа. На кафедрах клинических хорошие лекторы встречались куда реже, но не всегда хороший лектор оказывался отличным специалистом-практиком. Скорее наоборот. Эпоха зубров, мощных во всём и всегда, проходила. Правда, Женька застал ещё кое-кого, владевшего как теорией изложения, так и практикой положений. Но они старели, а нынешняя профессура и даже академики мельчали в питомниках узких специализаций, мало чем напоминающих непролазные дебри универсальной земско-клинической медицины.

Взять, к примеру, хотя бы нынешнего заведующего кафедрой акушерства и гинекологии. Говорили, что Николай Валерьевич в родзале последний раз был лет двадцать назад. Его интересы парили в сферах более финансово притягательных. Скажем, в эндоскопической гинекологии. Да и там он был скорее «двигателем прогресса», нежели рабочим механизмом. Кажется, на шестом курсе он читал им лекцию по женской эндокринологии, и одна не в меру ретивая студентка слишком замучила светило уточняющими и детализирующими вопросами. Она как раз собиралась стать эндокринологом и собаку съела на всех этих гипоталамусах, гипофизах и органах-мишенях. И мишенью в конечном итоге стала она сама. Потому как академик был не только зол, но и памятью на лица и фамилии обладал неплохой.

А так-то он был душка. Хорошо сохранившийся рубаха-парень. Прекрасный администратор, талантливый иезуит. Но Женька был пока слишком далёк от этой кухни, полагая мало-мальски практикующего врача грамотным специалистом, и сейчас обо всём этом он не думал. Просто выбрал местечко поудалённое от «председательского стола».

Врачи перебрасывались приветствиями, отфутболивали шуточки, обсуждали какие-то лечебные дела. Громогласный Бойцов успел и тут всё заметить, всем поставить на вид и ущипнуть за филейную часть уже немолодую акушерку физиологического родзала. На что послед-

няя, такая суровая в любое другое время, с любыми другими тут раскокетничалась, как гимназистка.

В конференц-зал вошла начмед, и установилась относительная тишина. Бойцов передал ей истории родов за истекшие сутки, и под доклады акушерок о том, кто, кого и как родил, она пролистывала их с брезгливым видом ресторанный критика, мечтающего отыскать в безупречном блюде дохлого таракана.

Дрожащим голосочком протараторила с листочка отчёт молоденькая акушерка приёмного покоя. Спокойно зачитала журнал родов главная повитуха смены физиологического родзала. Глуховатая Рыба, перекрикивая собственную тишину, отчиталась по наблюдационному родзалу. Доложила об ответственных беременных отделения патологии хриплым голосом молодящаяся девушка средних лет, бывшая за крепким мужем и работавшая скорее от скуки, чем от нужды или по призванию. Беспреданно зевая, равнодушно отчиталась о состоянии дел на этаже послеродовая акушерка. Затем скороговоркой рассказала, что творится в наблюдационных эмпириях, тамошняя средняя медработница. Пропищали вести об истекших двадцати четырёх часах детские сёстры. И наконец, синяя от ужаса перед начмедом медицинская сестра отделения гинекологии пролепетала, сколько аборт и операций было выполнено. В далёкой от деторождения вотчине.

В обычные дни – не в пятницу и не в понедельник – докладывали о состоянии дел дежурные врачи, получая по ходу соответствующие втыки плюс-минус меры тяжести содеянного или, наоборот, вовремя не содеянного.

Пятница же была днём показательной порки. Средний персонал отпускали после номинального отчёта, и начинался разбор полётов, имеющий своей целью не дать расслабиться накануне выходных и вообще, чтобы знали своё место и не забывали, кто тут чего и сколько стоит. «Шабашки» эти были скорее полезными, чем вредными, но иногда Елена Николаевна Ситникова, заместитель главного врача клинической многопрофильной больницы по акушерству и гинекологии – фактически главный врач родильного дома, – доводила себя до таких приступов ярости, что ни о какой справедливости речи идти не могло.

Впрочем, специалистом, в отличие от академика, она была отменным, администратором – неплохим, да и отходила быстро. Поэтому все знали – поперёк бури плыть, подняв все паруса, не стоит. Лучше переждать, а повинную голову меч не сечёт. Доказывать начальнику, что он дурак, а ты прав, – заведомо провальное мероприятие.

Вот и сегодня барометр показывал отнюдь не «ясно». Ещё бы! В роддоме на ночном дежурстве случились шипцы! Случились тогда, когда человека, умеющего наложить их толково, без интранатальных травм, в роддоме не было. Ни её, ни Зильбермана. Благо последний, отсутствовавший де-юре, присутствовал де-факто.

Средний персонал вежливо попросили выйти. Вслед попросили выйти интернов, стоявших всю пятиминутку стайкой у стеночки после того, как старшие товарищи потребовали очистить законные места. Женька остался в своём уголке исключительно из соображений такта – ему было неловко беспокоить целый ряд великовозрастных форматных дам, врачей из женской консультации, обязанных присутствовать на пятничных заседаниях. Обойти их незаметно и не потревожив не было никакой возможности. Зильберман, сидевший в первых рядах, обернулся и подмигнул ему.

Начмед подождала, пока стихнет коридорный гомон среднего персонала и ученичества, попросила анестезиолога закрыть поплотнее дверь и начала... орать.

Орать, распаяясь всё больше и больше, швыряя несчастные хлипкие истории родов в ординаторов, грохая толстыми журналами родов об стол и потрясая перед поникшей публикой кондуитами операционных протоколов.

Орать о том, что в родильном доме ЧП, что никто здесь ни на йоту не соответствует занимаемой должности, что не только сделать, а и записать толком ничего не может. И так

далее и тому подобное, давным-давно хорошо известное всем врачам любых специальностей стационаров и амбулаторных заведений.

Все внимали, понурился заведомо и однозначно повинные головы. Все соглашались с тем, что будут сдавать зачёты по акушерским щипцам, акушерским кровотечениям и прочим неотложным состояниям, будут писать объяснительные, рецензии на истории друг друга по выходным. И вообще всё свободное от работы время, включая отпуск, будут посвящать клиническим разборам, зазубриванию приказов мин-, обл- и горздравов, после чего собирать окурки и собачьи экскременты на всей прилегающей к родильному дому территории, мыть беременным, роженицам и родильницам ноги и пить эту воду. А также никогда не возьмут ни копейки ни за что, в ужасе убегая в противоположную любому «спасибо» сторону, а свои скромные заработные платы будут сдавать в фонды бездомных, безродных и жадных. Если уж такие опытные врачи, как Бойцов и Некопаев, ни черта не умеют, то что уже говорить о прочих полных ничтожествах, должных немедленно уйти из профессии. А ещё лучше – сделать харакири.

– За работу!!! – громыхнул финальный аккорд начмеда. – Пётр Александрович, зайдите ко мне в кабинет!

«Полные ничтожества» дождались, пока начмед покинет помещение в сопровождении Зильбермана, и потрусили, кто сразу к делам, а кто – покурить перед оными, а иные по домам – отсыпаться.

«Ночь начнётся завтра в шесть часов утра, ежели никто не потревожит волка...»⁴¹.

* * *

– Лена, с каких это пор наложение банальных выходных щипцов стало чрезвычайным происшествием? И какова дефектура конкретно Бойцова в поступившей с улицы отстойке плаценты? Или дефектура врача женской консультации, если беременная и не думала становиться на учёт? Ты палку-то не перегибай. – Пётр Александрович налил в чашки с кофейно-сахарным порошком кипятка. – Аппарат для капучино тебе на Восьмое марта, что ли, подарить? А то испортишь себе желудок окончательно этой отравой.

Только что яростно сотрясавшая воздух проповедью о вреде курения вообще и о преступности этого бесовского действия на территории, прилежащей к родильному дому, начмед Елена Николаевна Ситникова закурила и плюхнулась на угловой диванчик, что стоял в дальнем углу её кабинета, напротив Зильбермана.

– Устала я, Петь. Просто устала. Там – выбей, тут – защити, перед теми – отчитайся, перед этими – объяснись. И раздолбаев полный роддом, я не говорю уже о гинекологии. Давно пора заведующего менять. Этот министерский выпердыш там совсем не у дел. Ходит, щёки надувает, а руки из жопы растут. Не говоря о том, что административной работы совсем не знает и знать не хочет. А как я могу его подвинуть, если мне ежедневно называют узнать, не обижают ли племянничка? Я бы Бойцова в гинекологию поставила – самое ему место. А тут ещё, с утра пораньше, главврач вызывает. Мамаша этой девицы с ночи под его приёмной поджидала, чтобы выяснить, почему это её дочь врачи-убийцы щипцами пытали и ребёнка покалечили.

– Так муж разговаривал же и со мной, и с Некопаевым, и с неонатологом. И родильница, и новорождённый не только живы, но и здоровы. Все были довольны, все смеялись.

– Ну, пока вы тут все довольные смеялись, её мамаша орошала слюной кабинет главного. А тому, как помнишь, всё пофиг. Ему пенсия почётная грозит. Жалоба поступила, надо разобрататься. Пойдёшь со мной? Конечно, это всё ничем не закончится, но если ты ему ситуацию объяснишь, так мы и без лишних бумагомараний обойдёмся.

⁴¹ Из песни БГ «География».

– Лен, конечно, пойду. У меня с утра плановая, полчаса плюс-минус... Заговорим – успокоим старину Гаврилыча.

– Сейчас, кофе выпьем и пойдём.

– А палку всё-таки не перегибай. Кнут тем и хорош, что изредка. Они к твоим воплям уже привыкли, но быстрее, чем могут, не побегут. Да и где им учиться накладывать эти щипцы? Это только у Булгакова так хорошо поворот по Додерляйну⁴² получился, а в жизни всё несколько иначе.

– Петь... Ты б завязывал уже с этой своей Анечкой. Хотя бы на рабочем месте, – вдруг сменила тему начмед.

– Само завяжется рано или поздно. Тебе ли не знать. А что на рабочем месте – извини. Она меня очень видеть хотела. Не домой же мне её к жене и детям везти и не к ней – где папа моложе меня, япона мама. А для гостиниц, Лен, я уже стар. У меня в незнакомом месте может не получиться. – Он улыбнулся.

– Всё шуточки шутишь. Вот зачем она тебе, объясни? Тебе сто лет в обед, а она вчера со школьной скамьи. У тебя уже, страшно сказать, внуки. А жене твоей каково?

– Вот единственное, что мне от тебя в этой жизни не было и никогда не будет нужно, так это лекций на предмет морали и нравственности, Лен. Когда-то тебе на наличие жены и двоих пусть не внуков, а детей было начхать с высокой колокольни. Так что не изображала бы ты заботу о том, кому каково.

– Но ты же меня любил тогда, а тут?

– Я вообще женщин любил. И люблю. И жену. И тебя. И эту Анечку. Вообще – всех.

– Иди ты к чёрту. С совокуплениями на работе, Петь, завязывай. Все и так в курсе, а ты всё-таки заведующий.

– Докурила? Кофе допила? Пошли, к Алексею Гавриловичу ходим, объяснимся, а потом работать. Совокупляюсь я, как ты изволила выразиться, в свободное от работы время и, заметь, именно благодаря этому всегда вовремя оказываюсь в нужном рабочем месте.

– Бе-бе-бе! – показала язык заведующему родильно-операционным блоком заместитель главного врача по акушерству и гинекологии, врач высшей квалификационной категории, кандидат медицинских наук Елена Николаевна Ситникова.

– Дура ты, Ленка, как есть дура! – нежно ответил ей заслуженный деятель науки и техники Пётр Александрович Зильберман.

Они познакомились очень давно. В том самом родильном доме, где при помощи акушерских щипцов появился на свет в начале семидесятых по общепринятому летосчислению плод доношенный мужского пола Евгений Иванович Иванов.

Пётр Александрович был старшим ординатором, а потом и заведующим обсервацией, а Елена Николаевна только пришла после института. Как и любому еврею, ему очень нравились классические славянки. И, как любой еврей, он уже был женат на еврейке и уже успел произвести на свет двоих еврейских мальчиков. Однако, как водится, вышеизложенные обстоятельства не помешали ему вспылать нешуточной страстью к Елене Ситниковой. Ей же и вовсе ничего не мешало разгореться в ответ.

Он даже поставил в известность жену. И предложил Елене руку и сердце в дополнение к уже имеющемуся в её распоряжении в любое удобное и желаемое для неё время органу. Но она отказала. И сделала аборт, не поставив его в известность о факте наличия беременности.

⁴² Михаил Булгаков. Записки юного врача. («Эх, Додерляйна бы сейчас почитать! – тоскливо думал я, намыливая руки. – Увы, сделать это сейчас было невозможно. Да и чем бы помог мне в этот момент Додерляйн?») *Додерляйн* – автор учебника по акушерству.

Но медицинский мир так тесен. Вскоре ему стало известно о факте прерывания. Естественно, не от неё, а «по секрету всему свету».

«Дай мне силы изменить то, что я могу изменить, дай мне мужества принять то, что я изменить не могу, и мудрость отличить одно от другого».

У Лены не было сил принять тот факт, что у него всегда будут двое не её детей, и не хватило мудрости понять, что и третий был бы им любим не меньше. Если не больше. Третья. Он всегда хотел девочку. Он до сих пор полагал, что это была именно девочка. Классически красивая славянка, чёрт бы побрал сионские фрагменты ДНК, отвечающие за широкобедротость и волоокость.

Испарив из реторты романтику и душераздирающие подробности, в сухом остатке получим следующее: Пётр Александрович обучил Елену Николаевну акушерско-гинекологическому ремеслу (а ученицей она оказалась талантливой) и никогда не поминал старое (не забывая его). Через три года их пути разошлись. Елена Николаевна, закончив спецклинординатуру, уехала не то в Эфиопию, не то в Алжир спасать африканских женщин, освобождённых социализмом от французских колонизаторов, из пучин высокой материнской и детской смертности и прочего мракобесия. Вышла замуж, развелась. Вышла замуж, развелась – 2. Так и не родила ребёнка, потому что некогда. Пётр продолжал жить с женой, проглотившей (но не переварившей) его роман, в меру любимыми детьми и работать, дав себе слово больше никогда не влюбляться в: а) славянок; б) учениц и особенно в) учениц-славянок. Его дело – женщинам помогать, а не ломать их судьбы. Будучи человеком последовательным, он даже посетил какую-то освобождённую страну с долгосрочным рабочим визитом подальше от Африки, на всякий случай. Кажется, это была Индия. Там не было не только Лены, но и гарантированно никаких славянок, зато полным-полно абсолютно безопасных широкобедрых и волооких, вечно нуждающихся в помощи. В том числе – акушерской.

А много лет спустя они встретились. В свежестроенной многопрофильной клинической больнице с пятиэтажным, отдельно стоящим корпусом новенького родильного дома. Лену кто-то из министерства – не то подруга, не то текущий любовник – директивно протезировал на должность заместителя главного врача по акушерству и гинекологии, как грамотного специалиста и железного администратора. Кандидатуру Петра Александровича рекомендовали на должность заведующего операционно-родильным блоком как одного из самых стоящих специалистов современности, что правда, не терпящего бумажные и прочие аспекты административной работы. Главный врач прикинул и нашёл подобный тандем идеальным.

«Я встретил вас и всё былое» случается только в классических русских романсах. Пётр же и Елена были просто очень рады встретиться безо всяких «былого и дум». У него были к тому моменту уже почти взрослые сыновья, а у неё – текущая большая любовь – моложе лет на десять, не отягощённая анамнезом и функционально озабоченная, что не могло не сказаться на здоровье – выглядела Лена отменно. Со всей мощью своего рационального ума, конвертируя чью-то страсть в акции компаний по производству кремов от морщин. Что ж, в рациональной любви тоже нет ничего плохого – если вторая половина под стать. Дай Бог ему здоровья.

Жена Петра Александровича несколько нервно отнеслась ко «второму пришествию» Елены Ситниковой в жизнь Петра Зильбермана. И при случае не упускала возможности помучиться фантомными болями. А уж если волею официальных поводов Пётр Александрович с супругой оказывались в одной компании с Еленой Николаевной и её сожителем, то последующая за официальным вечером ночь для Петра оказывалась испорченной. Нет, он не скандалил и не курил на кухне «одну за одной», ибо скандален не был от природы и не курил вовсе. Просто она мешала ему спать звуком выпиливания оживляющих узоров по давно зарубцевавшейся ткани. Не спал и думал об Анечке. О её классической славянской красоте, естественной девичьей непосредственности, о порывистости и об отсутствии, во всяком случае пока, корысти.

Ей льстила его любовь. Его привязанность. Его зависимость. А он любил её, как можно любить только дочь. Плюс бонусы от поправок на некровное родство. Странная, странная связь.

Елена Николаевна осталась «средней женой», лишённой ворчливости «старшей», но не без удовольствия задиравшая его привязанность к «младшей», хотя и попустительствовала, закрывая глаза на множество обстоятельств. К примеру, на то, что акушерке, едва закончившей медицинское училище, самое место за столом приёмного покоя, с ручкой, сантиметром, тонометром и тазомером, а не в физиологическом родзале около инструментария, промежуточных и новорождённых, требующих опыта и квалифицированных навыков.

– Страшна жизнь еврея, любящего славянок и живущего в каком-то гротескно-сатирическом подобии шариата, – любил он ляпнуть за рюмкой коньяка в компании Поляковой и Некопаева. – Не будь я так мудр, что давно положил даже на гипотетическую возможность анализа, я бы тронулся рассудком.

– Вы просто старый развратник, Пётр Александрович! – смеялась Полякова.

– Называть меня «старым развратником» только потому, что я люблю женщин, Машенька, всё равно что нарекать тебя «блядью» исключительно потому, что тебе нравится быть любимой даже теми мужчинами, кто не любим тобой. Но то, что я старый развратник, а ты – блядь, тоже верно. Правда – всегда одна, но с различных точек зрения она визуально различна. Можно говорить, что Зильберман – старый развратник, а Полякова – блядь, и это лишь точка зрения. Зильберман – мужчина, а Полякова – женщина. И это тоже лишь точка зрения. А сама правда стоит себе эдакой присыпанной песком пирамидкой в пустыне представлений о ней и являет собой просто пирамиду. И эта пирамида знает, что Пётр Александрович по сути своей мужской – отец, а Мария Сергеевна по природе своей женской – дочь. И никакая точка зрения, никакая песчаная буря не изменят знания пирамиды о себе самой.

– А кто я по сути своей мужской? – мог вклиниться в разговор Некопаев.

– Ты, Виталик, по сути своей – всего лишь человек, – говорил Зильберман и разливал коньяк по рюмкам.

– Любите вы туману напустить, Пётр Александрович! – усмеялся Виталик.

– Нет никакого тумана, друг мой, *сплошная ясность за забором до горизонта без конца...*

– *...Околожизненным измором лукавый зверь берёт ловца. Сиюминутное «не надо» преобразуется в «прости». Я трепетно слежу за взглядом – нам никогда не по пути,* – подхватывала Маша.

– Ангел! Вот видишь? На лету ловит, – смеялся Пётр Александрович. – Так что всё ясно, Виталик. Я – ангел, Полякова – ангел, Ситникова наша истерическая – ангел. Потому что мы воины. А ты, Анечка моя, жёны наши, множество и множество прочих – просто люди. Человеческие. Это не лучше и не хуже. Просто ангелы – это ангелы, а люди – это люди. Ангелы сражаются, а люди – живут, не замечая сражений. Ангелы – в потоке, они открыты и, следовательно, ранимы. Их бессмертие – бесконечный путь на Голгофу, а не человеческие комиксы о супергероях. Люди склонны называть то, что по сути своей всегда всего лишь битва, «чередой событий», «обстоятельствами», «отношениями», «плохой погодой». И в этом кардинальное отличие ангелов от людей. Что для первых выигранная или проигранная схватка, для вторых – заведомо провальная игра с судьбой в «повезло – не повезло» на фоне умалишённой надежды. Так что, по сути, мы одинаковы, не смотри, что у нас за спиной крылья шуршат, а у вас всего лишь лопатки чешутся.

– Вечно вы смеётесь, Пётр Александрович.

– Ну, если бы ещё и ангелы заплакали, людям бы совсем стало неловко. Лучше выпьем, мои разные по сути, но такие прекрасные друзья.

– Выпьем, Пётр Александрович. За что? – поддерживала своего учителя Полякова.

– За прогрессивную дружбу ангелов и людей, тонко чувствующая моя Мария Сергеевна.

– Шуты вы оба, а не ангелы, – бурчал себе под нос Виталик.

– Пожалуй, – соглашался Пётр Александрович. – И как любые штатные, по должности, шуты, мы не любим внештатных, по призванию, дураков.

– Подумать только, никто никогда не думает, что вы говорите серьёзно, Пётр Александрович.

– Никто не думает, Полякова. Но ангелы просто знают. А люди – нет.

– Пётр Александрович, а можно задать вам глубоко личный и не менее идиотский вопрос?

– Валяй, моя любимая ученица.

– А о чём вы говорите с Анечкой?

– Ни о чём. Ангелу не о чем говорить с человеком, а то последний поломается или просто остановится – как будильник – и не прозвенит вовремя. Видишь, как наш друг человек-Некопаев пыхтит? Потому что эта игрушка тебе, Полякова, в очередной раз не нужна и не дорога. А мне Анечка нужна и дорога, пока сама не решит иначе. Ангелы никогда ничего не решают – они всего лишь воины. Конечно, иногда ангелу выдают другого ангела. А он возьми да и окажись из другого рода войск... Да не слушайте хмельного смертного старика, друзья мои. Вы же знаете...

– ...Родовспоможению предшествует душеподготовка! – хором заканчивали Полякова и Некопаев известные высказывания Зильбермана, давно ставшие афоризмами в этом – и не только – лечебном учреждении.

– Да. И это обстоятельство накладывает отпечаток на тех, кто родился сам, но часть его осталась там, в «пирамиде». И конечно же на тех, кто любит поболтать. – Он улыбался фирменной своей улыбкой, и на мгновение становилось так хорошо, будто... будто ангел пролетел.

* * *

Наступивший день был для Женьки нелёгким. Сначала он сходил с Петром Александровичем в операционную на плановое кесарево сечение.

– А кто будет первым ассистентом?

– Ты и будешь.

– Но я только один раз на кесаревом был. Сегодня ночью.

– О! Так ты крупный специалист! Уже хирургом можешь, а спрашиваешь, кто будет первым ассистентом.

– Пётр Александрович лишние руки в ране не любит, – любезным тоном прокомментировала операционная сестра.

– Да, Евгений Иванович, чем больше в групповухе сачкуешь, тем лучше истинным участникам процесса. Хотя настоящему хирургу всё равно, сколько ассистентов – он ото всех отобьётся. Потому что главная задача ассистента какая?

– Помогать.

– Неправильный ответ. Главная задача ассистента – не мешать! Накрывай операционное поле.

Операция кесарева сечения в исполнении Зильбермана была куда как спокойнее, чем то же действие во главе с Бойцовым. Причём вхождение в брюшную полость в данном случае было повторное, более сложное, чем на ненарушенную анатомию «ночной» отслойки. Движения Петра Александровича были плавными, размеренными, более точными и быстрыми, чем суматошные нервные метания Игоря Анатольевича. Зильберман молча и неагрессивно резал, промокал кровь, накладывал зажимы, вскрывал матку, не фиксируясь на Женькиных руках. Тот, в свою очередь, успокоенный доброжелательной деловой атмосферой, не демонстрировал излишнюю готовность к действию, просто держал зеркало и выполнял то, что указывал ему хирург, – идеальная моментальная равнодушная машина. Так могло показаться только неопыт-

ному. Опытный же знал, что за скоростью отточенных механических на вид движений стоял недюжинный талант не только врачебный, но и человеческий, помноженный на десятилетия практики.

На четвёртой минуте плод был извлечён.

– Видишь? Так вот это называется «родился».

– Да, мне Игорь Анатольевич уже объяснил, что, как бы мы ни поддавали и ни извлекали, в протоколе плод рождается в рану.

– Игорь молодец! Он гений правильно написанных историй родов.

– Хотя это мало похоже на рождение.

– Ты, Евгений Иванович, пока слишком мало рождений видел, чтобы судить, что на что похоже. Это ещё похоже. Кстати, если тебе придется прыгать на животе роженицы, как на батуте, или, тьфу-тьфу-тьфу, прибегать к давно отменённому бинту Вербова⁴³, это значит, что цена тебе, как повитухе, ноль без палочки. Хочешь, скажу, где Полякова живет? Ну-ну-ну, ты мне ещё тут чувств от счастья лишишь!

Женька не собирался лишаться чувств, просто от неожиданности выпустил из рук скользкую окровавленную нить.

– Даже если при исполнении за твоей спиной раздастся взрыв, ты должен закончить дело. Ты и Полякова – самое оно, не будь я старый сводник и большой специалист в деле не только родовспоможения, но и душеподготовки. Чего уши развесили?! – Последняя фраза предназначалась для бригады. – Не насплетничали ещё доктору?

– Не успели, Пётр Александрович, – добродушно сказал анестезиолог. Другой. Не ночной. – Но мы обязательно насплетничаем, как только выйдем из операционной.

– Обязательно, Сергей Александрович! И покаверзнее сплетничайте. Хотя опыт подсказывает мне, что молодому человеку всё равно. Видишь? Это называется спаечный процесс. Одна ткань липнет к другой, и разлепиться они уже не в силах. И кровообращение нарушается, и проходимость, но ткани намертво спаяны, и разнять их невозможно. Только рассечь. Кто-то до нас постарался. Инфекция, кривые руки, индивидуальные особенности и всё такое прочее. Только настоящему врачу это всего лишь усложнение алгоритма. Не более. У этой девочки анамнез воистину мученический.

Женька не понял, о какой «девочке» говорит Пётр Александрович. О той ли, что лежит сейчас на столе, или о той, что, наверное, лежит у себя в кровати, отдыхая после дежурства. И у себя ли в кровати? Одна ли?

– Поэтому будь терпелив, Евгений Иванович. Ну-с, что нам скажет Вадим Георгиевич? – обратился Пётр Александрович к неонатологу, не дав Женьке рта раскрыть в уточняющем вопросе.

– Всё хорошо, Пётр Александрович. На этаж.

– Вот и отлично. Видишь, Евгений Иванович? Несмотря на тяжёлый анамнез, рубец на матке и экстракорпоральное оплодотворение, ребёнок нашей дамы отправляется на этаж. И, полагаю, сутки на восьмые-девятые выпишется домой вместе с мамой, и всё у них будет прекрасно. Дренаж.

Операционная сестра подала полиэтиленовую трубку.

– Зачем, Пётр Александрович, там же сухо?

– Вот и отлично. И если там, как ты изволил выразиться, и дальше будет сухо, то мы извлечём дренаж и зашьём наглухо. Лучше на последующие сутки наложить один шов, чем вскрывать всё по новой повторно. Конечно, надо в полной уверенности ушивать всё и всегда послонно наглухо, хотя что-то, наверное, опыт, подсказывает мне, что в данном случае отде-

⁴³ *Бинт Вербова* [Я. Ф. Вербов (1871–1930), советский акушер-гинеколог] – брюшной бандаж, предназначенный для ускорения родов в периоде изгнания при слабости потуг.

ляемое будет и не надо нагружать рассасыванием и без того поросшее спайками нутро, пусть себе экссудат наружу истекает. Антибиотики?

– Всё, как положено, – ответил анестезиолог.

– В послеоперационных назначениях, Евгений Иванович, распишите пристойную антибиотикотерапию.

Работа с ним наполняла спокойной решительностью и безоговорочной уверенностью в результате со знаком плюс.

После Женька всё записал, ходил на обход – по пятницам был обход заведующего, а это означало, что все ординаторы и средний персонал носились из палаты в палату за Петром Александровичем. Затем Женька присутствовал на осмотре начмедом ответственных беременных в патологии. Смотрел, слушал, писал. Смотрел, слушал, писал. Смотрел, слушал, писал. Но когда наконец Пётр Александрович пригласил его выпить кофе к себе в кабинет, то не успел и чайник закипеть, как раздался телефонный звонок, срочно требующий Петра Александровича Зильбермана в приёмный покой главного корпуса.

– Вот такая это, Евгений Иванович, профессия – бабскую планиду разруливать. Пошли, посмотрим, что там. Что-то...

– Наверное, опыт... – успел вставить Женька.

– ...Подсказывает мне, что Елена Николаевна просто так меня не позовёт. С гинекологией любой сложности она в лёгкую сама справляется обычно. Так что отложим кофе с коньяком до завершения консилиума по поводу необычного.

В смотровой приёмного покоя главного корпуса переговаривались между собой участники весьма маститого «вече». Здесь были и заведующий гастрохирургией, и один из самых сильных реаниматологов. На каталке лежала девушка в полубессознательном состоянии. Вернее – в спутанном состоянии сознания, что значительно хуже.

– Доставили из ЦРБ⁴⁴. Криминальный аборт – всё-таки в позднем сроке. Подружки приволокли в приёмное и смотались. Даже не на «скорой». Анамнеза толкового нет. Дефанс⁴⁵. Шок. Внутреннее кровотечение. Там пока разобрались, что к чему, уже клиническая картина гнойного сепсиса налицо. Они, вместо того чтобы на месте лечить, сюда привезли. А мы что? Мы отказать не можем. Ещё раз транспортировать – она не переживёт. Да и куда дальше транспортировать? Мы оказываем все виды квалифицированной и специализированной помощи...

Растерянный молодой дежурный врач что-то говорил скорее самому себе. Елена Николаевна спросила:

– Начмед по хирургии в курсе?

– В курсе, – ответил гастрохирург. – Что делать будем?

– При такой картине токсического шока оперировать... А если не оперировать, то...

– В общем, это ваш профиль, Елена Николаевна, вам и принимать решение. Хирурги тут вторичны.

– Пётр Александрович? – посмотрела она на Зильбермана.

– Разворачивайте ургентную операцию. Тут мозга нет. Если до сих пор жива. Если консервативно будем вести – точно помрёт. Лет сколько?

– Двадцать два.

– Сердечная деятельность? – обратился он к реаниматологу.

– Терпимо для таких клинико-лабораторных показателей.

⁴⁴ Центральная районная больница.

⁴⁵ Сильнейшее напряжение передней брюшной стенки – один из патогномичных симптомов перитонита – воспаления брюшины.

– Василий Петрович, помоешься? – повернулся Пётр Александрович к заведующему хирургией.

– Куда я денусь.

– Петь, ты пойдёшь? – тихо и, как показалось Женьке, благодарно уточнила Елена Николаевна.

– Да. Ты тоже мойся, ассистентом. Где мой интерн?

– Я здесь, Пётр Александрович.

– Давай, Евгений Иванович. Наряжайся и смотри. Такую бригаду увидишь нечасто.

– Петь, нижнесрединным доступом?⁴⁶

– Да. Не хватит – расширимся.

Операция длилась около трёх часов. Давно Женька не наблюдал такой сосредоточенности. В течение первого часа врачи лишь обменивались короткими репликами друг с другом и операционной сестрой. Анестезистки что-то бесконечно лили в подключичку⁴⁷. В тазики, в качестве макропрепаратов, отправились безжизненные зловонные куски белесоватой гноящейся плоти, что прежде были беременной маткой, не так давно живым плодом и участками кишечника. Врачи священнодействовали, без лишних слов понимая друг друга. Резали, промывали, сшивали, задавая короткие конкретные вопросы. Кто-то куда-то бегал, доставляя в операционную новые флаконы растворов, антибиотиков и бог знает чего ещё...

В какой-то момент Женьке даже показалось, что он утрачивает ясность восприятия. Слишком много всего за сутки. Пожалуй, больше, чем за всю его предыдущую жизнь. Количество неизведанного совершило качественный скачок, и за двадцать с небольшим часов вчерашний парень Женька окончательно стал мужчиной во всех смыслах, вдохнув слоновью дозу мирового эфира. Вкусил, но ещё не познал, не осмыслил. Да разве можно и, главное, нужно ли осмыслять всё это?

Девочку Леночку, что не хотела кесарева, женщину, что «на сносях», поругавшуюся с мужем и выбежавшую в ночь без документов и денег, и, не случись сердобольных прохожих, она могла лишиться ребёнка, а то и вовсе истечь кровью на заплёванной остановке... Множество новых людей со своими историями. Глупую двадцатидвухлетнюю девчонку, что умирала (или выживала?) сейчас на столе. Петра Александровича, того, как оказалось, кто помог ему прийти в этот мир, и Марию Сергеевну... Машу... ради которой, он был уверен, в этот мир и пришёл... Он вдруг почувствовал себя древним, как Имхотеп⁴⁸, и резвым, как новорождённый козлёнок.

Никому не дано знать, когда его постигнет откровение. Никому не дано постигать откровение дольше, чем оно длится. И никто никогда не сможет описать длительность откровения, силу откровения и алгоритм постижения откровения. Откровение не начинается и не заканчивается. Оно – суть включение Сына по просьбе Отца в Дух, что именуется Миром.

Окунувшись в откровение, человек становится посвящённым. И кто сказал, что для этого надо нырять в бассейн с крокодилами или проходить сквозь звёздные врата? И можем ли мы знать, что есть наш персональный бассейн с крокодилами и наши персональные звёздные врата? Поток Мира един. Бесконечен. Мы – конечны. Пока мы люди. Но мы не всегда были ими. И не всегда будем ими. И бесконечная часть нас всегда внутри Духа.

Иным обстоятельства позволяют вспомнить себя Миром ещё при жизни тела. Но до прочих этого не донести, как не передать самыми совершенными словами и самой прекрасной картиной мощь и совершенство водопада, тишину и красоту ночной степи и те несколько

⁴⁶ *Оперативный доступ* – нижнесрединная лапаротомия.

⁴⁷ Катетер, устанавливаемый в подключичной вене в случае необходимости массивной инфузионной терапии.

⁴⁸ Зодчий, астроном и врач, строитель первых пирамид Древнего Египта. Греки сопоставляли его со своим богом врачевания Асклепием.

мгновений блаженства, что, лишь синхронизируясь, делают мужчину и женщину богоравными. Откровения нельзя осмыслять. Их можно только переживать...

– Всем спасибо! – традиционно завершил Пётр Александрович оперативный марафон. – В реанимацию, естественно. С личным постом. И регулярным посещением ответственного дежурного акушера-гинеколога и ответственного дежурного хирурга. Историю...

– Я сама напишу! – перебила его Елена Николаевна. – Тут сложный протокол, сейчас с Василием Петровичем согласуем его часть. И вообще, не до интернов. Высокая степень риска... Они думают, тут мёдом намазано, в акушерстве этом. – Елена Николаевна приходила в себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.